Аэропорт

Автор:

[Артур Хейли](#)

Аэропорт

Артур Хейли

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Аэропорт» – роман-бестселлер Артура Хейли, вышедший в 1968 году. Вымышленный город, где находится крупнейший аэропорт, неожиданно накрывает снежный буран, поэтому все службы работают в экстренном режиме.

На сотрудников аэропорта обрушивается одна проблема за другой, начиная от сгнувшей непонятно где машины с продуктами до страшной аварии на борту одного из самолетов. А ко всему прочему добавляются обострившиеся личные проблемы героев, их сложные душевные драмы – вот в такой запутанный клубок сюжетных линий завяжется действие романа, уместившееся в один пятничный вечер.

По роману «Аэропорт» в 1970 году был снят фильм с ведущими голливудскими актерами – десять номинаций на премию «Оскар»! После этой экранизации вышло еще три сиквела.

Артур Хейли

Аэропорт

Печатается с разрешения издательства Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House, LLC.

© Arthur Hailey, 1968

© Перевод. Т. Кудрявцева, 2014

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Артур Хейли (1920–2004) – один из самых популярных американских писателей XX века. В чем секрет успеха романов Артура Хейли? Почему совокупный тираж его книг превышает 200 млн экземпляров и они переведены на 40 иностранных языков? Времена меняются, а механизм работы отеля, аэропорта, несмотря на технический прогресс, остается тем же. Хейли описывает этот механизм в мельчайших подробностях, причем описывает просто, понятно и очень увлекательно. Он рассказывает буквально обо всем и обо всех – от мусорщиков до генеральных директоров. Добавьте к этому увлекательный, подчас детективный сюжет, драматические коллизии, любовные переживания героев – и вы поймете, почему у Хейли столько почитателей.

Часть первая

(18.30–20.30)

Январь. Пятница. Шесть тридцать вечера. Международный аэропорт имени Линкольна в Иллинойсе был открыт, но все его службы работали с предельным напряжением.

Над аэропортом, как и над всеми Средне-Западными штатами, свирепствовал сильнейший буран, какого здесь не было лет пять или шесть. Вот уже трое суток не переставая валил снег. И в деятельности аэропорта, как в больном, измученном сердце, то тут, то там стали появляться сбои.

Где-то на летном поле затерялся в снегу пикап «Юнайтед эйрлайнз» с обедами для двухсот пассажиров. Невзирая на снег и наступившую темноту, пикап искали, но пока тщетно – ни машины, ни шофера найти не удалось.

Вылет самолета ДС-8 компании «Юнайтед эйрлайнз», для которого пикап вез еду, в беспосадочный рейс на Лос-Анджелес и так уже задерживался на несколько часов. А теперь из-за пропавшего пикапа он вылетит еще позже. Впрочем, это был не единственный случай задержки – около сотни самолетов двадцати других авиакомпаний, пользующихся международным аэропортом Линкольна, не поднялись вовремя в воздух.

Объяснялось это тем, что вышла из строя взлетно-посадочная полоса три-ноль: «Боинг-707» авиакомпании «Аэро Мехикан» при взлете чуть-чуть съехал с бетонированного покрытия и сразу застрял в раскисшей под снегом земле. Вот уже два часа, как люди бились, стараясь сдвинуть с места огромный лайнер. И теперь компания «Аэро Мехикан», исчерпав собственные ресурсы, обратилась за помощью к «ТВА».

Поскольку полоса три-ноль оказалась заблокированной, командно-диспетчерскому пункту пришлось установить жесткий контроль над воздухом и ограничить прием самолетов с близлежащих аэропортов Миннеаполиса, Кливленда, Канзас-Сити, Индианаполиса и Денвера. И тем не менее двадцать самолетов кружили над аэропортом, запрашивая о посадке, так как у них кончалось горючее. А на земле в два раза больше машин ждали отправки. И все же КДП отменил все вылеты, пока не разрядится обстановка в воздухе. В результате у аэровокзала, на рулежных дорожках и у выходных ворот стояло множество самолетов с запущенными двигателями, уже готовых к взлету.

На складах всех авиакомпаний скопилось множество грузов, в том числе и срочных, но ни о каких скоростных перевозках, естественно, не могло быть и речи. Инспектора грузовых перевозок с волнением следили за состоянием скоропортящегося товара – оранжерейных цветов, отправляемых из Вайоминга в Новую Англию; пенсильванского сыра для Аляски; замороженного зеленого горошка для Исландии; живых омаров, которых с Восточного побережья США пересылали через полюс в Европу. Омары эти уже на другой день появятся в меню эдинбургских и парижских ресторанов в качестве «свежих продуктов местных морей», и американские туристы по неведению будут охотно их заказывать. Буран или не буран, а скоропортящиеся товары, согласно контракту, положено доставлять к месту назначения свежими – и быстро.

Особое волнение у служащих вызывал груз авиакомпании «Америкэн эйрлайнз» – несколько тысяч индюшат, которые всего два-три часа назад вылупились из яиц. График их появления на свет и последующей отправки самолетом разрабатывается за много недель до того, как индюшка садится на яйца. По этому графику живые птицы должны быть доставлены на Западное побережье через сорок восемь часов после рождения – предельный срок, в течение которого крошечные существа могут прожить без еды и питья. При соблюдении этих условий доставку удастся осуществить без потерь. Если же индюшат в дороге покормить, они не только пропахнут сами – пропахнет и самолет, так что потом в него несколько дней не войдешь. И вот теперь график был нарушен уже на несколько часов. Поэтому решили снять один самолет с пассажирской линии и предоставить его индюшатам – нежный груз получал, таким образом, приоритет над всеми грузами и пассажирами, включая даже «особо важных персон».

В здании аэровокзала царил хаос. Залы ожидания были забиты до отказа – тысячи пассажиров ждали вылета: одни рейсы задерживались, а другие были и вовсе отменены. Всюду громоздились горы багажа. Огромный центральный зал походил на трибуны стадиона в момент ожесточенного футбольного матча или на универсальный магазин «Мейси» в канун Рождества.

Сиявшая обычно на крыше аэровокзала лихая надпись «Международный аэропорт Линкольна – воздушный перекресток мира» была сейчас скрыта метелью.

Самое невероятное, подумал, глядя на все это, Мел Бейкерсфелд, что аэропорт еще как-то функционирует.

Управляющий аэропортом – высокий, сухощавый, удивительно собранный – стоял в башне у пульта управления снежной командой и всматривался в темноту. Обычно из этой стеклянной комнаты был отлично виден весь аэропорт: взлетно-посадочные полосы, рулежные дорожки, складские помещения. Правда, все самолеты в воздухе и на земле выглядели как модели на макете, но силуэты их четко вырисовывались даже вечером при свете прожекторов. Более широкий обзор открывался только с КДП – командно-диспетчерского пункта, расположенного в той же башне и занимавшего два верхних этажа.

Но сегодня лишь расплывающиеся точки ближних огней слабо мерцали сквозь густую пелену гонимого ветром снега. Да, подумал Мел, о нынешней зиме еще многие годы будут вспоминать на совещаниях метеорологов.

Родилась эта снежная буря пять дней назад где-то в горах Колорадо. Она возникла в виде снежного смерча высотой с небольшой холм, и метеорологи, вычерчивая для авиалиний карты погоды, либо пренебрегли таким пустяком, либо вовсе его не заметили. И вот, словно в отместку им, смерч стал расти и превратился в настоящее бедствие, в ураган, который помчался сначала на юго-восток, а потом повернул на север.

Он пронесся над Канзасом и Оклахомой и, словно решив набраться сил, задержался в Аризоне. А на другой день, окрепнув и разъярившись, всей своей мощью обрушился на долину Миссисипи. Но только над Иллинойсом буря разыгралась вовсю: температура упала, и штат сковало холодом – за одни сутки землю покрыл десятидюймовый слой снега.

Сначала над аэропортом шел легкий снежок. Потом он повалил с безудержной силой: не успевали машины расчистить сугробы, как ветер наметал новые. Люди на снегоуборке буквально валились с ног. За последние два-три часа уже нескольких человек пришлось отправить домой, так как они падали от усталости, хотя в аэропорту на случай подобных чрезвычайных обстоятельств всегда есть где передохнуть и по очереди поспать.

Мел услышал, как стоявший рядом с ним Дэнни Фэрроу, его заместитель, который отвечал сейчас за расчистку снега, вызвал по радиотелефону центр по борьбе с заносами:

– Мы теряем автомобильные стоянки. Вышлите еще шесть снегоочистителей и команду «Банджо» к «игрек семьдесят четыре»!

Дэнни находился перед пультом управления – собственно, даже не пультом, а скорее широкой доской с тремя консолями. Перед ним и двумя его помощниками, сидевшими справа и слева от него, выстроилась батарея телефонов, телеаппаратов и радиоприемников. На столе лежали карты, графики и бюллетени, фиксирующие местоположение каждой снегоочистительной машины, равно как и занятых на уборке снега людей. Отдельно фиксировались команды «Банджо», оснащенные специальными снегосгребателями. Сейчас в этой комнате жизнь была ключом, но кончался зимний сезон – и помещение пустело, в нем воцарялась тишина.

Лысина Дэнни поблескивала, вся в капельках пота, – он непрерывно делал какие-то пометки на крупномасштабной карте аэропорта. Он повторил свою просьбу центру по борьбе с заносами – она прозвучала как его личная мольба; да так оно, наверно, и было. Здесь, наверху, помещался командный пункт. И тот, кто возглавлял его, должен был представлять себе картину в целом, устанавливать очередность требований и направлять машины туда, где в них больше нуждались. Сложность заключалась в том – и должно быть, именно это раздражало Дэнни, потому он так и потел, – что те, кто трудился там, внизу, ведя неустанную борьбу со снегом, не всегда разделяли его точку зрения относительно того, где прежде всего нужна помощь.

– Ясно, ясно!.. Еще шесть снегоочистителей!.. – послышался в радиотелефоне раздраженный голос с другого конца аэропорта. – Сейчас попросим у Санта-Клауса. Он тут околачивается где-то поблизости. – Пауза. И более раздраженно: – Умнее ничего не придумали?

Мел взглянул на Дэнни и покачал головой. Он узнал голос в радиотелефоне – это был старший механик, работавший, по всей вероятности, без передышки с тех пор, как начался буран. В такую непогоду трудно держать себя в руках – это понятно. Обычно после напряженной, снежной зимы механики и дирекция устраивают мужское застолье, так называемый вечер замирения. Да, уж в этом году непременно придется такой устраивать.

Дэнни попытался образумить смутьяна:

– Но мы же послали четыре снегоочистителя на поиски этого пикапа с едой. Они сейчас должны уже быть свободны.

– Они, конечно, были бы свободны... если бы нашли пикап.

– Как, его до сих пор не нашли? Да чем же вы там, черт бы вас побрал, занимаетесь – ужинаете, что ли, или девчонок щупаете? – И Дэнни тотчас повернул ручку, микшируя звук, чтобы раздавшийся по радиотелефону голос не грохотал в мембране.

– А вы там в своем курятнике имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит на поле? Не мешало бы все-таки время от времени поглядывать в окно! У нас же тут как на Северном полюсе – никакой разницы!

– Заткнул бы ты глотку, Эрни, – посоветовал Дэнни. – А то не ровен час на таком ветру и простыть недолго.

Слушая этот обмен любезностями, Мел понимал, что хоть и не все в их перепалке надо принимать всерьез, однако обстановка на летном поле действительно тяжелая. Мел сам всего час назад там проезжал. И хотя пользовался он служебными дорожками и знал весь аэропорт как свои пять пальцев, сегодня ему было непросто ориентироваться и он несколько раз сбивался с пути.

Мел ездил в центр по борьбе с заносами, где работа давно кипела вовсю. Если пульт управления можно было бы назвать командным пунктом, то центр по борьбе с заносами являлся чем-то вроде штаба на передовой. Здесь вечно толкались усталые рабочие и десятники – одни взмокшие от пота, другие промерзшие до костей, и постоянные, и временные, – плотники, электрики, водопроводчики, служащие, полицейские. Временных набирали из числа тех, кто работал в аэропорту, и, пока валил снег, платили им полтора жалованья. Все они знали, что надо делать, так как за лето и осень подобно солдатам прошли обучение и умели расчищать от снега взлетные полосы и дорожки. Вид рабочих, усиленно машущих лопатами жарким солнечным днем рядом с работающими вхолостую ревущими снегоочистителями, не раз веселил зевак. Если же кто-то выражал удивление по поводу столь тщательной подготовки, Мел Бейкерсфелд напоминал, что очистить от снега оперативные площадки аэропорта – дело нешуточное: ведь это все равно что очистить семисотмильное шоссе.

Центр по борьбе с заносами, как и пульт управления здесь, в башне, функционировал только зимой. Это было большое мрачное помещение над одним из гаражей. И властвовал там диспетчер. По голосу, звучавшему сейчас в радиотелефоне, Мел понял, что диспетчера сменили – возможно, он пошел поспать в «вытрезвителе», как не без юмора называли в аэропорту общежитие для людей, занятых на снегоуборке.

Радиотелефон снова ожил, и Мел узнал на этот раз голос старшего техника:

– Мы ведь тоже волнуемся по поводу этого пикапа, Дэнни. Бедняга шофер может здорово промерзнуть там, на поле. Хотя с голоду, конечно, не помрет, если у него котелок варит.

Пикап отъехал от «рейсовой кухни» и направился к аэровокзалу часа два назад. Путь его лежал по периметру летного поля и обычно длился около четверти часа. Но пикап так и не прибыл к месту назначения – шофер явно заблудился и застрял где-то в снегу. «Юнайтед эйрлайнз» послала за ним поисковую команду, но розыски ни к чему не привели. И теперь за дело взялось руководство аэропорта.

– А этот самолет «Юнайтед эйрлайнз» вылетел или нет? Отправился без еды? – спросил Мел.

Дэнни Фэрроу ответил, не отрывая взгляда от карт:

– Командир корабля предоставил решать этот вопрос пассажирам. Сказал, что потребуется еще час, чтобы подогнать новый пикап, а на борту есть выпивка, им покажут кино, и в Калифорнии светит солнце. И все высказались за то, чтобы поскорее убраться отсюда. Я бы тоже так поступил.

Мел кивнул. Ему очень хотелось самому взяться за дело и отыскать пропавший пикап и шофера. Но он подавил в себе это желание, хотя любая деятельность была бы для него сейчас благом. Холодная сырая погода, стоявшая эти несколько дней, возродила боль в покалеченной ноге, напоминая о Корее. Он переменял позу, перенес всю тяжесть тела на здоровую ногу. Но облегчение было лишь минутным. И боль очень скоро возобновилась.

Постояв немного возле Дэнни, Мел подумал, что правильно поступил, решив не вмешиваться. Дэнни делал все как надо: снял несколько снегоочистителей, работавших возле аэровокзала, и срочно направил их на дорогу, проложенную по краю поля. Ничего не поделаешь: приходилось отказаться на время от расчистки стоянок для машин, невзирая на любые скандалы. Прежде надо отыскать исчезнувшего шофера.

Отдавая соответствующее распоряжение, Дэнни предупредил Мела:

– Приготовься к потоку жалоб. Поисковая партия вынуждена будет блокировать окружную дорогу. Придется задержать все пикапы с продовольствием, пока мы не найдем этого парня.

Мел кивнул. Такая уж у него работа, что жалоб не избежать. В этом случае – тут Дэнни был прав – они посыплются как из рога изобилия, когда компании узнают, что их пикапы с продовольствием задержаны в пути, а по каким соображениям – не важно.

Найдутся такие, которые ни за что не поверят, что человек может погибнуть здесь, в центре цивилизации, только оттого, что находится под открытым небом, и тем не менее это вполне может произойти. Далекие окраины летного поля не место для прогулок в такую ночь. Если же шофер решит сидеть в машине с включенным мотором, его быстро занесет снегом и он может потом умереть от скопления углекислого газа.

Одной рукой Дэнни держал трубку красного телефона, а другой листал правила поведения на случай чрезвычайных обстоятельств, тщательно составленные, кстати, самим Мелом.

Красный телефон служил для связи с дежурным пожарной команды аэропорта, и Дэнни коротко изложил ему ситуацию.

– А как только мы отыщем пикап, высылайте туда «скорую помощь» – может, потребуется респиратор или обогреватель, а возможно, и то и другое. Но лучше не выезжайте, пока не будет точно установлено местонахождение пикапа. А то еще и вас, ребята, придется откапывать.

Капельки пота покрывали теперь уже всю лысину Дэнни. Мел понимал, что Дэнни работает у пульта скрепя сердце: ему куда больше по душе то, чем он обычно занимается, планируя деятельность аэропорта, строя гипотезы и логические предположения о будущем авиации. Вот там можно размышлять не спеша, прикинуть заранее все возможности, а не решать проблему с ходу, немедленно. И Мел подумал, что есть люди, которые живут прошлым, а есть такие, как Дэнни Фэрроу, которые бегут от настоящего в будущее. Но счастлив был сейчас Дэнни или несчастлив, он все-таки справлялся с делом, хоть и потел.

Протянув руку поверх его плеча, Мел взял трубку прямого телефона, связывающего пульт с КДП. Ему ответил руководитель полетов.

– Как там у вас с «Боингом-707» компании «Аэро Мехикан»?

– Да все так же, мистер Бейкерсфелд. Мы уже два часа бьемся, чтобы сдвинуть его с места. Пока ничего не получается.

Эта беда случилась, когда стемнело и пилот компании «Аэро Мехикан», ведя машину к взлету, взял по ошибке правее огней, ограждающих рулежную дорожку. Тут как на грех травянистый грунт не имел стока – его собирались сделать, когда кончится зима. А пока под толстым слоем снега находился еще более толстый слой грязи. И вот, свернув не в ту сторону, стодвадцатитонный самолет глубоко увяз в грязи.

Когда стало ясно, что нагруженный самолет своими силами выбраться из этой жижи не сможет, с него сняли разгневанных, ворчащих пассажиров и по грязи и снегу отвели к спешно подброшенным автобусам. С тех пор прошло два часа, а огромный реактивный лайнер все еще стоял на прежнем месте, перекрывая собой полосу три-ноль.

– Значит, полоса и рулежная дорожка все еще не введены в строй? – спросил Мел.

– Совершенно верно, – ответил руководитель полетов. – Мы задержали все вылеты у выходных ворот и направляем машины на другие полосы.

– Здорово эта история нарушает график?

– Процентом на пятьдесят. Сейчас у нас десять рейсов дожидаются разрешения выйти на рулежную дорожку и еще с десятков ждут, когда им позволят запустить двигатели.

Вот оно, наглядное доказательство того, сколь настоятельно нужны аэропорту дополнительные взлетно-посадочные полосы – ВПП – и рулежные дорожки, подумал Мел. Уже целых три года он тщетно доказывал необходимость сооружения новой полосы параллельно три-ноль, равно как и других реконструкций. Но Совет уполномоченных под нажимом городских политических боссов неизменно отклонял его предложения. Объяснялось это тем, что городской муниципалитет по каким-то своим соображениям не желал выпускать новый заем, а это, безусловно, потребовалось бы для финансирования такого рода начинаний.

– Беда еще в том, – добавил руководитель полетов, – что из-за невозможности использовать полосу три-ноль самолеты взлетают над Медоувудом. И оттуда уже стали поступать жалобы.

Мел чертыхнулся. Городок Медоувуд, расположенный на юго-западе от аэропорта, был как заноза у него в мозгу и немало осложнял ему работу. Хотя аэропорт был построен задолго до городка, жители Медоувуда непрестанно в самой резкой форме жаловались на шум, который создают самолеты, пролетая у них над головой. В эту кампанию вскоре ввязалась пресса, что повлекло за собой новые жалобы и яростные нападки на аэропорт и его руководство. Наконец, после долгих переговоров, после шумихи в печати и, по мнению Мела Бейкерсфелда, серьезных передержек, где немалую роль уже играла политика, аэропорту и Федеральному управлению авиации пришлось пойти на уступки и обещать, что реактивные самолеты будут пролетать над Медоувудом лишь в крайних и особых случаях. Однако, поскольку взлетно-посадочных полос и так не хватало, это решение значительно сокращало возможности аэропорта.

Более того: решено было, что самолеты, взлетающие в направлении Медоувуда, поднявшись в воздух, будут тотчас принимать меры для уменьшения шума. Но тут начались протесты уже со стороны пилотов, считавших такую меру чрезвычайно опасной. Однако авиакомпании, не желая раздражать публику и вызывать нарекания, требовали, чтобы пилоты выполняли приказ.

Невзирая на это, жители Медоувуда не успокаивались. Их воинственные лидеры продолжали протестовать, устраивать демонстрации, а согласно самым

последним слухам, намеревались даже подать на аэропорт в суд.

– Много было звонков по этому поводу? – спросил Мел руководителя полетов. И мрачно подумал о том, что вместо работы снова придется часами разбирать петиции, вести споры и беспредметные обсуждения, которые все равно ничего не дадут.

– Да звонков пятьдесят, пожалуй, было. Это те, которым мы отвечали, а наверняка были и такие, которых с нами не соединили. Стоит взлететь самолету, и телефоны у нас начинают звонить – причем не только те, что значатся в телефонной книжке, но и незарегистрированные номера. Много бы я дал, чтобы выяснить, как их узнают.

– Но я надеюсь, вы сказали тем, кто звонил, что мы вынуждены так поступать из-за особых обстоятельств: во-первых, из-за бурана и, во-вторых, потому что вышла из строя ВПП.

– Мы все им объясняем. Но это никого не интересует. Они просто не желают, чтобы самолеты летали над ними, – и все. Есть такие, которые заявляют, что им нет дела до наших проблем, пилоты обязаны уменьшать шум, а они сегодня этого не делают.

– Черт возьми, да будь я пилотом, я тоже не стал бы этого делать! – Ну как может здравомыслящий человек, подумал Мел, требовать, чтобы пилот в такую бурю сразу после взлета снижал нагрузку на двигатели? А только это и уменьшает шум.

– Я тоже, – поддержал его руководитель полетов. – Хотя, конечно, все зависит от точки зрения. Если бы я жил в Медоувуде, может, и я бы рассуждал, как они.

– Вы бы не жили в Медоувуде. Вы бы послушались нас. А мы уже много лет назад предупреждали людей, чтобы они там не строились.

– Да, пожалуй. Кстати, один мой сотрудник сообщил мне, что они там сегодня снова устраивают сборище.

– В такую погоду?

- Да, отменять его они вроде не собираются, и, похоже, что-то они там затевают.

- Ну, о том, что они затевают, - заметил Мел, - мы очень скоро узнаем.

И все же, подумал он, если в Медоувуде действительно состоится митинг, жаль, что аэропорт как раз сегодня подбрасывает им новую пищу для трепотни. Туда, конечно, явятся и пресса, и местные политические боссы, и то, что самолеты будут летать у них над головой - хоть это и вызвано необходимостью, - даст им повод для очередных петиций и разглагольствований. Значит, чем скорее полоса три-ноль войдет в строй, тем лучше будет для всех.

- Через некоторое время я сам выеду на поле, - сказал он руководителю полетов, - и посмотрю, что там происходит. Ждите сообщений с места.

- Есть!

- Кстати, - спросил, переходя к другому, Мел, - мой брат сегодня дежурит?

- Совершенно верно. Кейз сидит у радара - на Западном направлении.

Мел знал, что Западное направление - один из самых напряженных участков в диспетчерской. Работать на Западном направлении - значит наблюдать за всеми самолетами, садящимися в западном квадранте. Мел помедлил, потом решил, что достаточно хорошо знает руководителя полетов и может задать ему вопрос, который тревожил его сейчас.

- А Кейз в порядке? Не слишком нервничает?

Руководитель полетов ответил не сразу.

- Да, пожалуй, я бы даже сказал, нервничает больше обычного. Они прекрасно понимали друг друга, ибо младший брат Мела в последнее время был для них обоих источником немалого беспокойства.

- Честно говоря, - сказал руководитель полетов, - я бы очень хотел помочь ему, но не могу. У нас не хватает рук, все загружены до предела. - И добавил: - Включая меня.

– Я знаю. И очень ценю то, что вы не выпускаете Кейза из поля зрения.

– Так ведь при такой работе почти у каждого из нас рано или поздно нервы сдают – тут уж ничего не поделаешь. – Мел чувствовал, как руководитель полетов тщательно подбирает слова. – Иной раз человек падает духом. Но когда такое бывает, мы всегда выручаем друг друга.

– Спасибо. – Услышанное не развеяло тревоги Мела. – Может, я попозже загляну к вам.

– Есть, сэр. – И руководитель полетов повесил трубку.

Это «сэр» было просто данью вежливости. Руководитель полетов не подчинялся Мелу. Он отвечал лишь перед Федеральным управлением авиации, находящимся в Вашингтоне. Тем не менее отношения между диспетчерами и аэропортовским начальством всегда были хорошие, и Мел следил за тем, чтобы они не портились.

Аэропорт – любой аэропорт – это сложный механизм, и управлять им нелегко. Нет такого человека, который отвечал бы за все, но и самостоятельно функционирующих участков тоже нет: все переплетено и взаимосвязано. Как управляющий аэропортом, Мел обладал наибольшей полнотой власти, и тем не менее были такие секторы, в работу которых он старался не вмешиваться. Одним из них являлся командно-диспетчерский пункт, другим – представительства авиакомпаний. Мел мог вмешиваться и вмешивался в вопросы, связанные с деятельностью аэропорта в целом или с обслуживанием пассажиров. Он мог, например, приказать авиакомпании снять с двери табличку, которая, по его мнению, сбивала с толку пассажиров или не соответствовала принятым на аэровокзале стандартам. Но то, что происходило за дверью, на которой красовалась эта табличка, естественно, находилось в ведении самой авиакомпании.

Таким образом, управляющему аэропортом надлежало быть не только хорошим администратором, но и тактиком.

Мел положил трубку на рычажок. По другому телефону Дэнни Ферроу препирался с контролером автостоянки, издерганным и совершенно замученным

жалобами, которые на протяжении последних часов поступали от владельцев машин, застрявших в снегу. «Да что же это такое, – говорили ему, – неужели ваши начальники в аэропорту не знают, что идет снег? А если знают, так почему же, черт побери, никто не пошевелится и не разгребет всю эту мерзость, чтобы люди могли вывести свою машину, когда им нужно! Или мы уже лишились своих демократических прав?»

– Скажи им, что мы установили диктатуру!

Ничего не поделаешь, думал тем временем Дэнни, придется им подождать, пока машины расчистят снег там, где это важнее. Он подбросит людей и оборудование, как только сможет. Разговор прервали – звонил руководитель полетов с КДП. Получена новая сводка погоды: судя по всему, через час переменится ветер. Значит, придется работать на других полосах, поэтому нельзя ли ускорить расчистку полосы один-семь, левой. Он постарается, сказал Дэнни. Выяснит, как обстоят дела у «Анаконды», и позвонит.

В таком постоянном, ни на минуту не отпускающем напряжении работали люди вот уже три дня и три ночи – с тех пор, как начался буран. И в общем-то справлялись. Неудивительно поэтому, что записка, врученная Мелу посыльным четверть часа назад, лишь усилила его раздражение. Она гласила:

«м! ршила прдпрдить: комиссия борьбе заносами (по настоянию врн дмрррр – почему ваш зять так вас не любит?) готовит разгромную докладную, считает взлетные плсы и рулежные држки забиты снегом (в. д. считает) из-за взмутительно бзответственнго руководства... окладная винит аэропорт (вас) задержке вылета блшинства самолетов... утверждает, если бы плса была лучше расчищена, 707 не застрял бы... а теперь материальный ущерб понесли все авиакомпания и т. д. и т. п. – ясно?.. словом, где были вы – понятно?.. слезайте со своей верхотуры и угостите меня кофе.

Привет т.».

«Т» означало Таня – Таня Ливингстон, старший агент по обслуживанию пассажиров компании «Транс-Америка» и приятельница Мела. Он перечитал записку, как перечитывал обычно все послания Тани, которые никогда не мог

сразу разобрать: Таня, в чьи обязанности входила ликвидация недоразумений и недовольств, возникавших у пассажиров, не признавала заглавных букв. В своей борьбе с этими буквами она дошла до того, что уговорила механика «Транс-Америки» снять их с ее машинки. Мел слышал, что потом кто-то из ее начальства поднял по этому поводу страшный шум: компания-де не потерпит, чтобы ее служащие намеренно причиняли ущерб казенному имуществу. Но Тане это сошло с рук. Как, впрочем, сходило с рук все.

Под «врн дмррр», упоминавшимся в записке, подразумевался капитан Вернон Димирест, пилот все той же «Транс-Америки». Это был один из опытнейших командиров воздушных кораблей и весьма активный член Ассоциации пилотов гражданской авиации, а в эту зиму он к тому же вошел в состав комиссии по борьбе с заносами в международном аэропорту Линкольна. Комиссия эта осуществляла надзор за состоянием взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек во время снегопадов и устанавливала их пригодность. В состав комиссии всегда входил кто-то из действующих пилотов.

Помимо перечисленных достоинств, Вернон Димирест обладал еще одним качеством – он приходился Мелу зятем, так как был женат на его старшей сестре Саре. Надо сказать, что клан Бейкерсфелдов благодаря бракам и наследственной привязанности к определенной профессии всеми своими корнями и ветвями врос в авиацию, подобно тому как в старину целые семьи были связаны, скажем, с мореходством. Тем не менее между Мелом и его зятем существовали весьма прохладные отношения: Мел недолюбливал Вернона за самодовольство и высокомерие, причем в этом он не был одинок. Недавно Мел и капитан Димирест отчаянно сцепились на заседании Совета уполномоченных, где Димирест выступал от имени Ассоциации пилотов. И Мел заподозрил сейчас, что разгромная докладная составлена его зятем в отместку за поражение на этом заседании.

Сама по себе докладная не слишком волновала Мела. Каковы бы ни были недостатки в работе аэропорта, он знал, что при таком буряне многое могло обстоять и хуже. И тем не менее какие-то осложнения эта докладная в его жизнь внесет. Она будет разослана всем авиакомпаниям, и уже завтра начнутся телефонные звонки и записки с требованием объяснений.

Мел решил на всякий случай к этому подготовиться. Он лично проведет инспекцию и проверит, как идет работа по расчистке снега, когда поедет на поле выяснять, насколько продвинулось дело с этим самолетом «Аэро

Мехикан», застрявшим на полосе.

А тем временем Дэнни Фэрроу уже снова говорил по телефону с центром по борьбе с заносами. Когда он на секунду умолк, Мел сказал:

– Я спущусь в вокзал, а потом выеду на поле.

Он вспомнил о записке Тани и ее предложении выпить кофе. И решил зайти к себе в кабинет, а потом, проходя через аэровокзал, заглянуть к ней в «Транс-Америку». При этой мысли у него потеплело на душе.

2

Мел вошел в служебный лифт, который открывался специальным ключом, и спустился из башни на этаж, где располагалась администрация. В помещениях, прилегавших к его кабинету, стояла тишина, столы стенографисток были пусты, машинки накрыты чехлами, но всюду горел свет. Мел прошел к себе. Из шкафа, встроенного в стену рядом с широким, красного дерева, письменным столом, за которым он днем работал, Мел достал толстое пальто и сапоги на меху.

Собственно, никаких особых дел сегодня в аэропорту у Мела не было. И это было естественно. Тем не менее почти все время на протяжении этих трех дней, пока бушевала пурга, он оставался на посту – на всякий случай. «Если бы не эта пурга, – размышлял он, натягивая и зашнуровывая сапоги, – я бы сидел сейчас дома с Синди и детьми».

В самом деле сидел бы?

Сколько бы человек ни старался быть объективным, подумал Мел, он не всегда может понять, что им движет. Наверное, не будь снегопада, нашлась бы другая причина не ехать домой. С некоторых пор главным его желанием стало поменьше там бывать. Работа, конечно, давала ему такую возможность. Она позволяла сколько угодно задерживаться в аэропорту, где в последнее время перед ним возникало немало разных проблем, помимо сегодняшней кутерьмы и неразберихи. И в то же время, если быть честным с самим собой, надо признать, что аэропорт помогал ему избегать ссор, которые неизменно вспыхивали между ним и Синди, как только они оставались вдвоем.

– А, черт! – неожиданно громко ругнулся Мел в тишине кабинета.

Тяжело шагая в меховых сапогах, он подошел к письменному столу. Взглянул на памятку, отпечатанную секретаршей, и понял: так оно и есть. Он вспомнил, что именно сегодня вечером состоится одно из этих нудных благотворительных сборищ, которые посещает его жена. И на прошлой неделе Мел скрепя сердце обещал быть на нем. Предстояли коктейль и ужин в фешенебельном отеле «Лейк-Мичиган инн» (так значилось в памятке). А вот в честь чего устраивают это благотворительное сборище, в памятке сказано не было. Возможно, жена и говорила ему, но он забыл. Да и не все ли равно! Синди всегда участвовала в одних и тех же сборищах, причем удивительно скучных. Главное, по ее мнению, было не в идее, а в общественном положении, которое занимали дамы-благотворительницы, заседавшие с ней в различных комитетах.

По счастью, сегодня ему, видимо, удастся сохранить мир с Синди: эта затея начинается довольно поздно, и у него еще есть в запасе два часа, а учитывая скверную погоду, не только он может опоздать. Так что он вполне успеет объехать аэропорт. Затем он побреется и переоденется у себя в кабинете и довольно скоро сможет быть в городе. И все-таки лучше, пожалуй, предупредить Синди. Мел взял трубку городского телефона и набрал свой домашний номер.

Ответила Роберта, его старшая дочь.

– Привет, – сказал Мел. – Говорит твой старик.

На другом конце провода послышался спокойный голос Роберты:

– Я чувствую.

– Ну как сегодня было в школе?

– Нельзя ли поточнее, отец? У нас была куча всяких предметов. Что именно тебя интересует?

Мел вздохнул. В иные дни ему казалось, что его домашний очаг рассыпается по частям. К примеру, Роберта сегодня – явно в «кусачем» настроении, как

выражалась ее мать. Неужели все отцы, подумал Мел, теряют контакт со своими дочерьми, когда им исполняется тринадцать лет? Всего какой-нибудь год назад они были необычайно дружны – как только могут быть дружны отец и дочь. А Мел любил обеих дочерей – и Роберту, и младшую Либби. Он часто думал о том, что только благодаря им как-то держится его брак с Синди. Он, конечно, понимал, что с годами у Роберты должны появиться интересы, которых он не сможет ни разделить, ни понять. Он был готов к этому. Но он никак не ожидал, что она так скоро отойдет от него или будет относиться к нему с таким безразличием и даже пренебрежением. Правда, если смотреть на дело объективно, нельзя не признать, что нелады между ним и Синди не могли не способствовать углублению этой пропасти. Дети – они ведь все чувствуют.

– Ладно, не будем об этом, – сказал Мел. – Мама дома?

– Уехала. Она сказала: если ты позвонишь, я должна передать, что вы встретитесь в городе и чтобы ты постарался на этот раз не опаздывать.

Мел подавил в себе раздражение. Ну чего злиться: Роберта просто повторяет слова Синди. Он так и слышит, как Синди их произносит.

– Если мама позвонит, скажи ей, что я, возможно, немного опоздаю, но по не зависящим от меня причинам.

На том конце провода царило молчание, и он спросил:

– Ты меня слышишь?

– Да, – сказала Роберта. – Что-нибудь еще, отец? А то у меня много домашних заданий.

– Да, кое-что еще, – не выдержав, рявкнул он. – Будьте любезны, юная леди, изменить тон и проявлять немножко больше уважения к отцу. И еще одно: наш разговор будет закончен тогда, когда я сочту нужным.

– Как тебе угодно, отец.

– И перестань звать меня отцом!

– Хорошо, отец.

Мел чуть не прыснул со смеху, но сдержался. И спросил:

– Дома все в порядке?

– Да. Вот только Либби хочет с тобой поговорить.

– Одну минуту. Я как раз хотел сказать тебе: из-за бури я, возможно, не сумею приехать домой. В аэропорту у нас тут бог знает что творится. Поэтому я, наверно, вернусь сюда и буду ночевать здесь.

Снова пауза; казалось, Роберта взвешивала: сказать колкость или нет? Вроде, например: «Может, придумаешь что-нибудь поновее?» Но в конечном счете решила смолчать.

– Ну а сейчас я могу позвать Либби?

– Да, можешь. Спокойной ночи, Робби.

– Спокойной ночи.

Послышался шорох – трубка переходила из рук в руки, а затем тоненький, задыхающийся от волнения голосок Либби:

– Папочка, папочка! Ну-ка угадай – что?!

Либби всегда говорила задыхающимся голосом, точно в свои семь лет бегом бежала за жизнью и очень боялась отстать.

– Дай-ка подумать, – сказал Мел. – А-а, знаю: ты сегодня играла в снежки.

– Да, играла. Только это не то.

– Ну тогда я не знаю. Придется тебе самой мне сказать.

– Так вот: мисс Керзон сказала, что дома мы должны написать про все хорошее, чего мы ждем в будущем месяце.

Он с нежностью подумал о том, что вполне может понять энтузиазм Либби. Ей в мире все казалось волнующим и хорошим, а то, что не было хорошим, быстро отбрасывалось и забывалось. Долго ли еще продлится у нее эта счастливая пора невинности? – подумал он.

– Прекрасно, – сказал Мел. – По-моему, это очень интересно.

– Папочка, папочка! А ты мне pomoжешь?

– Ну, если сумею.

– Мне нужна карта февраля.

Мел усмехнулся: Либби создала собственную устную скоропись, и понятия, которыми она оперировала, бывали порой куда выразительнее привычных слов. Но сейчас это навело Мела на мысль, что не мешало бы ему самому посмотреть карту февральской погоды.

– Календарь лежит у меня на столе в кабинете.

Мел подробно рассказал ей, как его найти, и услышал топот маленьких ножек. Либби уже ринулась за календарем, забыв про телефон. Положила трубку на рычаг, не сказав ни слова, видимо, Роберта.

Мел вышел из своего кабинета и пошел по административному этажу, держа на руке толстое теплое пальто.

Внезапно он остановился и посмотрел вниз, на кишевший как муравейник зал, где за последние полчаса, казалось, набралось еще больше народу. Все кресла для ожидания были заняты. Стойки информации и справочного бюро походили на островки, окруженные морем людей, среди которых было немало военных. Перед стойками регистрации пассажиров вытянулись длинные очереди – иные, извиваясь, уходили так далеко, что конца не было видно. За стойками находилось вдвое больше кассиров и инспекторов – дежурным помогали

сотрудники, оставленные из предыдущих смен, и перед ними, как партитура на дирижерском пульте, лежали расписания рейсов и схемы размещения пассажиров в самолете.

Задержки с вылетом и изменения маршрутов, вызванные бураном, подвергли серьезной проверке и расписание рейсов, и человеческое терпение. Внизу, как раз под тем местом, где стоял Мел, находилось отделение компании «Браниф», и какой-то моложавый мужчина с длинными светлыми волосами и желтым шарфом вокруг шеи громогласно возмущался:

– Что за наглость: с какой стати я должен лететь в Канзас-Сити через Новый Орлеан?! Вы что – решили перекроить географию? Дали вам капельку власти, так вы совсем рехнулись!

Агент по продаже билетов, хорошенькая брюнетка лет двадцати двух – двадцати трех, устало провела рукой по глазам и с профессиональной выдержкой ответила:

– Мы можем направить вас и прямо, сэр, но мы не знаем когда. Погода сейчас такая, что этот кружной путь будет более скорым, а стоимость – та же.

За мужчиной в желтом шарфе вытянулись длинной цепью другие пассажиры, и у каждого – свои, совершенно неотложные проблемы.

Возле стойки компании «Юнайтед эйрлайнз» разыгрывалась другая пантомима. Хорошо одетый бизнесмен, низко пригнувшись, что-то втолковывал сотруднику компании. Судя по выражению лиц и жестам, Мел Бейкерсфелд легко мог догадаться, что диалог разворачивался примерно так:

«Мне бы очень хотелось попасть на ближайший рейс».

«Сожалею, сэр, но свободных мест нет. И, как видите, у нас большая очередь на разбронирование...»

Тут агент поднял на клиента глаза и умолк. На стойке перед ним лежал портфель, и бизнесмен – не назойливо, но весьма недвусмысленно – постукивал пластиковым ярлычком по краю портфеля. Такие ярлычки выдаются членам

Стотысячемильного клуба, созданного компанией «Юнайтед эйрлайнз» для своих постоянных пассажиров – элиты, которую стремятся иметь все компании. Выражение лица у кассира тотчас изменилось, и он, очевидно, сказал: «Сейчас что-нибудь устроим, сэр». Карандаш агента приподнялся и вычеркнул одну из фамилий в списке пассажиров – человека, приехавшего много раньше и имевшего все основания получить билет, – а вместо него вписал имя бизнесмена. Стоявшие позади него ничего не заметили.

Такое творилось во всех авиакомпаниях, и Мел это знал. Только наивные или очень далекие от всего люди верят в нерушимость так называемых списков на очередь и списков бронирования и в беспристрастность тех, у кого они в руках.

Взгляд Мела остановился на группе, явно только что прибывшей из города и как раз входившей в аэровокзал. Все они отряхивались от снега, как видно, метель не только не утихла, а стала еще злее. Не успел он подумать об этом, как новоприбывшие уже растворились в сутолоке вокзала.

Лишь немногие из восьмидесяти тысяч пассажиров, ежедневно проходящих через центральный зал, поднимают глаза вверх – туда, где помещается администрация, а сегодня таких было еще меньше, поэтому почти никто не замечал Мела, стоявшего там и смотревшего вниз. Для большинства пассажиров аэропорт – это авиарейсы и самолеты. Многие, наверно, понятия не имеют о том, что в аэропорту вообще есть служебные кабинеты или какая-либо администрация, в то время как это сложный, хоть и невидимый механизм, состоящий из сотен людей, – механизм, который должен работать для того, чтобы аэропорт мог функционировать.

Но может быть, это и к лучшему, подумал Мел, спускаясь по эскалатору вниз. Если бы люди больше знали, они выявили бы и недостатки в работе аэропорта, и то, какими это чревато для них опасностями, и уже не с таким спокойным сердцем отправлялись бы в путь.

Очутившись в центральном зале, Мел направился к крылу, занимаемому «Транс-Америкой». Когда он проходил мимо стойки регистрации пассажиров, его окликнул один из инспекторов:

– Добрый вечер, мистер Бейкерсфелд. Вы ищете миссис Ливингстон?

Любопытная штука, подумал Мел, как бы ни были заняты люди, у них всегда найдется время для сплетен и наблюдения за другими людьми. Интересно, многие ли связывают его имя с именем Тани?

- Да, - сказал он. - Именно ее.

Инспектор кивком указал на дверь, на которой значилось: «Только для персонала компании».

- Она там, мистер Бейкерсфелд. У нас тут была маленькая неприятность. Миссис Ливингстон как раз этим занимается.

З

В маленькой гостиной, которую нередко использовали для особо важных персон, громко всхлипывала девушка в форме агента по продаже билетов.

Таня Ливингстон усадила ее на стул.

- Успокойся, - деловито сказала Таня, - спешить некуда. Поговорим, когда ты придешь в себя.

И Таня тоже села, разгладив узкую форменную юбку. В комнате больше никого не было. Слышалось лишь всхлипывание, да гудел воздушный кондиционер.

Между двумя женщинами было примерно пятнадцать лет разницы. Девушке едва исполнилось двадцать, а Тане - подходило к сорока. Но, глядя на нее, Таня почувствовала, что их разделяет куда большая пропасть. И пропасть эта объяснялась, видимо, тем, что Таня уже была замужем - хоть и недолго и давно, но все же была.

Второй раз за сегодняшний день она думала о своем возрасте. В первый раз эта мысль мелькнула у нее, когда, расчесывая утром волосы, она заметила серебряные нити в своей короткой густой ярко-рыжей гриве. Седины стало куда больше, чем примерно месяц назад, когда она впервые обратила на это внимание. И снова, как тогда, она подумала о том, что сорок лет - рубеж, когда женщина должна уже четко представлять себе, куда и зачем она идет, - не за

горами. А кроме того, она еще подумала, что через пятнадцать лет ее собственной дочери будет столько же, сколько этой Пэтси Смит, которая рыдала сейчас перед ней.

Тем временем Пэтси вытерла покрасневшие глаза большим полотняным платком, который дала ей Таня, и, еще давась от слез, произнесла:

- Они бы никогда себе не позволили... так грубо разговаривать дома... даже с женой.

- Это ты про пассажиров?

Девушка кивнула.

- Да нет, многие так разговаривают и дома, - сказала Таня. - Вот выйдешь замуж, Пэтси, возможно, и тебе придется с этим столкнуться, хоть я и не пожелала бы тебе такого. Видишь ли, когда у мужчины ломаются планы, он ведет себя, как сорвавшийся с цепи медведь, - тут ты права.

- Я же очень стараюсь... мы все стараемся... весь сегодняшний день и вчера тоже... и позавчера... Но они так с нами разговаривают...

- Ты хочешь сказать, они ведут себя так, будто это ты устроила буран? Специально, чтобы осложнить им жизнь.

- Да... А потом подошел этот мужчина... До него я еще как-то держалась...

- Что же все-таки произошло? Меня ведь вызвали, когда скандал уже кончился.

Девушка постепенно начала успокаиваться.

- Ну... у него был билет на рейс семьдесят два, а рейс отменили из-за непогоды. Мы достали ему место на сто четырнадцатый, но он на него опоздал. Говорит, что был в ресторане и не слышал, как объявили посадку.

- В ресторанах посадку не объявляют, - сказала Таня. - Об этом висит объявление, а кроме того, это напечатано на всех меню.

– Я ему так и сказала, миссис Ливингстон, когда он подошел ко мне. Но он продолжал грубить. Вел себя так, точно это я виновата, что он опоздал на посадку. Сказал, что все мы безрукие и спим на ходу.

– А ты вызвала старшего?

– Да, но он был занят. Мы все были очень заняты.

– Что же было дальше?

– Я дала этому пассажиру место в дополнительном отсеке на рейс двенадцать двадцать два.

– Ну и что дальше?

– Он спросил, какой там будут показывать фильм. Я выяснила, и тогда он сказал, что видел этот фильм. И снова стал мне грубить. Он желал смотреть тот фильм, который должны были показывать на отмененном рейсе. И спросил, могу я ему дать билет на такой рейс, где показывают этот фильм. А ведь у стойки толпилась уйма пассажиров. И кое-кто из них стал громко ворчать, что я-де еле шевелюсь. Ну и вот, когда он снова спросил меня насчет фильма, тут я... – Девушка помолчала. – Очевидно, это называется – сорвалась.

– И швырнула ему в лицо расписание? – подсказала Таня.

Пэтси Смит кивнула – вид у нее был глубоко несчастный. Казалось, она вот-вот снова заплачет.

– Да. Сама не знаю, что на меня нашло, миссис Ливингстон... Я швырнула ему расписание через стойку. И сказала, пусть сам выбирает себе рейс.

– Надеюсь, – заметила Таня, – ты попала в него.

Девушка подняла на нее глаза. Теперь вместо слез в них уже появилась смешинка.

– Конечно, попала. – И, словно что-то вспомнив, хихикнула: – Вы бы видели его физиономию! Он был потрясен. – Лицо ее снова приняло серьезное выражение. – А потом...

– Я знаю, что произошло потом. Ты разрыдалась, что вполне естественно. Затем тебя отправили сюда, чтобы дать выплакаться. Ну а теперь возьми такси и отправляйся домой.

Девушка в изумлении уставилась на нее:

– Вы хотите сказать... это все?

– Конечно. А ты что, думала – тебя сейчас уволят?

– Я... я не знаю.

– Мы будем вынуждены тебя уволить, Пэтси, хоть нам это и очень неприятно, – заметила Таня, – если подобная история повторится. Но ты ведь больше не будешь, правда? Никогда?

Девушка решительно замотала головой:

– Нет, не буду. Не могу объяснить почему, но я твердо знаю, что во второй раз такого не сделаю.

– Тогда поставим на этом точку. Если, конечно, тебе не хочется узнать, что произошло после того, как тебя увели.

– Очень хочется.

– Один из стоявших в очереди подошел к стойке и заявил, что все слышал и видел. У него есть дочь такого же возраста, как ты, сказал он, и если бы кто-то разговаривал так с его дочерью, он бы собственноручно расквасил ему нос. Тогда другой человек из очереди – он оставил свою фамилию и адрес – сказал, что, если тот нахал на тебя пожалуется, пусть его известят и он засвидетельствует, как все было на самом деле. – Таня улыбнулась. – Так что, как видишь, на свете есть и славные люди.

– Я знаю, – сказала девушка. – Их не много, но когда попадается такой милый, приятный человек, хочется обнять его и расцеловать.

– К сожалению, нам этого нельзя – как нельзя швырять в пассажиров расписанием. Мы должны ко всем относиться одинаково и быть вежливыми, даже когда пассажиры не очень-то вежливы с нами.

– Конечно, миссис Ливингстон.

С Пэтси Смит все будет в порядке, решила Таня. Девушка не станет подавать заявление об уходе, как это делали другие, попав в подобную передрыгу. Более того: сейчас, успокоившись, Пэтси словно прошла закалку, а это еще пригодится ей в будущем.

Да, подумала Таня, одному Богу известно, сколько нужно выдержки, да и твердости, для того чтобы работать с пассажирами – на любом посту.

Взять хотя бы службу бронирования.

Она понимала, что сотрудникам этой службы в городских отделениях достается, наверно, еще больше, чем тем, кто работает здесь, в аэропорту. С тех пор как начался буран, им пришлось оповестить по телефону несколько тысяч пассажиров о задержках и изменении расписания. Заниматься этим никто не любит, поскольку подобные звонки неизменно вызывают раздражение и нередко кончаются перепалкой. Такое впечатление, будто задержка вылета или прилета вдруг пробуждает дремлющий в человеке инстинкт дикаря. Мужчина ни с того ни с сего обрушивает на незнакомую женщину поток оскорблений – даже люди, обычно вежливые и мягкие, становятся язвительными и грубят. Хуже всего почему-то иметь дело с теми, кто летит в Нью-Йорк. Сотрудники отказывались предупреждать по телефону пассажиров на Нью-Йорк о новых задержках или отменах рейсов – лучше лишиться места, чем подвергать себя граду оскорблений, которые, они знали, обрушатся на них. Таня частенько задумывалась над притягательной силой, которой обладает Нью-Йорк и которая словно бацилла поражает всякого, кто стремится туда: стоит человеку собраться в путь – и он уже умирает от желания побыстрее добраться до цели.

Таня знала, что, когда сегодняшняя лихорадка спадет, многие подадут прошение о расчете – и из службы бронирования, и из других служб. Так бывало всегда. Будет и несколько случаев нервного расстройства – преимущественно среди девушек помоложе, более остро реагирующих на бестактность и грубость. Не так-то просто всегда быть вежливой, даже если ты имеешь хорошую тренировку.

И, думая об этом, Таня порадовалась, что сумела успокоить Пэт-си Смит и девушка теперь уже так не поступит.

В дверь постучали. Она приоткрылась, и на пороге появился Мел Бейкерсфелд. Он был в меховых сапогах, с теплым пальто, перекинутым через руку.

– Я проходил мимо, – сказал он. – Могу зайти позже, если вы заняты.

– Нет-нет, заходите. – Таня радостно улыбнулась при виде его. – Я скоро освобожусь.

Она внимательно смотрела на Мела, пока он шел к ней, и подумала: «У него усталый вид». Потом снова повернулась к девушке, заполнила бланк и протянула ей.

– Передай это диспетчеру такси, Пэтси, он отправит тебя домой. Отдохни как следует и выходи завтра на работу. Надеемся увидеть тебя бодрой и жизнерадостной.

Когда девушка ушла, Таня повернулась на вращающемся кресле лицом к Мелу и весело сказала:

– Ну а теперь здравствуйте.

Мел сложил газету, которую принялся было просматривать, и улыбнулся:

– Привет!

– Получили мою записку?

– Я как раз пришел затем, чтобы поблагодарить вас. Хотя, наверно, и без того зашел бы. – И, кивнув на дверь, за которой только что исчезла Пэтси, спросил: – В чем дело? Перенапряжение?

– Да. – И Таня рассказала, что произошло.

Мел хмыкнул:

– Признаться, я тоже устал. Может, и меня отправите домой на такси?

Таня испытующе посмотрела на него. Взгляд ее ясных голубых глаз проникал в самую душу. Она сидела, слегка склонив голову, и в лучах света, падавшего с потолка, волосы ее отливали медью. Плотно пригнанный форменный костюм подчеркивал женственную округлость ее тоненькой стройной фигуры. И Мел уже не в первый раз вдруг почувствовал, до чего она желанна и как ему с ней хорошо.

– Надо подумать, – сказала она. – Что ж, я, пожалуй, отправила бы вас на такси, если бы вы поехали ко мне и согласились у меня пообедать. Я бы приготовила вам, скажем, тушеную телятину.

Он помедлил, взвешивая все «за» и «против», затем с сожалением отрицательно покачал головой.

– Очень бы мне хотелось, но... У нас тут столько неполадок, а кроме того, мне скоро надо быть в городе. – Он поднялся. – Но кофе мы выпить можем.

– Хорошо.

Мел открыл дверь, пропустил Таню вперед и вышел вслед за ней в шумный, забитый людьми зал.

Стойку «Транс-Америки» осаждала толпа – народу здесь стало еще больше, чем ранее, когда Мел проходил мимо.

– Придется поторопиться, – сказала Таня. – Мне еще два часа дежурить.

И они стали пробираться сквозь толпу, то и дело обходя груды багажа, – Таня шла медленнее обычного, приспособившись к Мелу. Она заметила, что он сильно хромот. И ей захотелось взять его под руку, помочь, но она понимала, что это невозможно. Она ведь в форме, а сплетни и без того распространяются слишком быстро. В последнее время их с Мелом частенько видели вместе, и Таня не сомневалась, что машина слухов, работавшая в аэропорту со скоростью доисторического телеграфа в джунглях или современной счетно-вычислительной машины, уже зарегистрировала это обстоятельство. По всей вероятности, все служащие аэропорта считали, что она спит с Мелом, хотя это было и не так.

Они направлялись сейчас в «Кафе заоблачных пилотов» в центральном зале.

– Кстати, насчет тушеной телятины, – сказал Мел. – Не могли бы мы устроить это пиршество в другое время? Хотя бы послезавтра?

Танино приглашение застигло его врасплох. Правда, они уже не раз встречались и проводили вместе время – за рюмкой вина или в ресторане за обедом, – но до сих пор Таня не приглашала его к себе. Вполне возможно, что и на этот раз она приглашала всего лишь на обед. Однако... могло ведь быть и иначе.

С некоторых пор Мел чувствовал, что, если они будут встречаться не только на работе, их отношения, естественно, могут пойти дальше. Но он не ускорял событий: инстинкт подсказывал ему, что роман с Таней может перерасти в нечто более серьезное, чем легкий флирт, и глубоко увлечь их обоих. А Мелу надо было еще учитывать свои отношения с Синди. Уладить их будет не так-то просто, если вообще удастся; человек не всегда может справиться со всеми проблемами, которые наваливаются на него. Любопытная штука, подумал Мел: когда брак прочен, завести роман легко, а вот когда брак распадается – гораздо труднее. И все же слишком было заманчиво приглашение Тани, чтобы пройти мимо него.

– Послезавтра воскресенье, – напомнила она. – Я не дежурю, но если вы сумеете освободиться, то мне это даже удобнее: у меня будет больше времени.

Мел улыбнулся:

– При свечах и с вином?

Он совсем забыл, что послезавтра воскресенье. Но ему все равно придется поехать в аэропорт: даже если буран утихнет, он оставит следы. Ну а Синди – она сама без всяких объяснений не раз уезжала куда-то по воскресеньям.

Таня внезапно отскочила в сторону, уступая дорогу запыхавшемуся человеку, за которым следовал носильщик в красной фуражке, толкавший перед собой тележку, нагруженную чемоданами; поверх них лежали теннисные ракетки и палки для гольфа. «Летит куда-то на юг», – не без зависти подумала Таня.

– О'кей, – сказала она, когда они с Мелом снова оказались рядом. – При свечах и с вином.

Как только они вошли в кафе, разбитная метрдотельша, сразу узнав Мела, подошла к ним и провела в дальний угол к маленькому столику, на котором стояла табличка «Занято» и за которым обычно обслуживали администрацию. Опускаясь на стул, Мел зацепился за ножку стола и, покачнувшись, ухватился за руку Тани. Это не укрылось от зоркой метрдотельши, и она усмехнулась. «Машина слухов уже готовит очередной бюллетень», – подумала Таня.

– Ну и толпа, – сказала она, – вы когда-нибудь видели такое? Все эти три дня – просто светопреставление.

Мел окинул взглядом переполненное кафе; сквозь гул голосов морзянкой прорывался звон посуды. За стеклянной дверью колыхалось беспокойное море голов.

– Если вы считаете, что у нас сегодня столпотворение, – заметил он, – подождите, пока С-5А войдет в строй.

– Знаю. Мы и сейчас едва справляемся, когда летят «Боинги-747», а если придется регистрировать сразу тысячу пассажиров... Не приведи Господь! – Таня содрогнулась. – А представляете себе, что будет твориться, когда все они начнут получать багаж? Даже думать об этом неохота.

– Не только вам, но и многим другим неохота, хотя им-то следовало бы задуматься – и уже сейчас. – Мела забавляло то, что их беседа, не успев начаться, перескочила на авиацию. Все, связанное с рейсами и самолетами,

притягивало Таню как магнит, и она любила говорить об этом. Любил это и Мел, чем отчасти и объяснялось то, что ему нравилось бывать в ее обществе.

– Кто же еще не желает над этим задумываться?

– Те, в чьем ведении находятся наземные сооружения – аэровокзалы, взлетно-посадочные полосы и рулежные дорожки. Большинство ведут себя так, точно реактивные самолеты всегда будут такими, как сейчас. Они считают, что, если сидеть тихо и спокойно, новые большие самолеты не появятся и никаких сложностей не возникнет. И перестраивать наземные службы не придется.

– Но во всех аэропортах идет такое большое строительство, – задумчиво заметила Таня. – Всюду, куда ни прилетишь.

Мел предложил ей сигарету, но она отрицательно покачала головой. Тогда он закурил сам.

– В большинстве своем это строительство – всего лишь заплатки, небольшие изменения и расширения аэропортов, построенных в пятидесятых или в начале шестидесятых годов. Пока для будущего почти ничего не делается. Есть, конечно, исключения – например, лос-анджелесский аэропорт, или аэропорт Тампа во Флориде, или Даллас-Форт-Уэрт. Это будут первые в мире аэропорты, готовые к приему новых гигантских реактивных и сверхзвуковых самолетов. Неплохо обстоит дело в аэропортах Канзас-Сити, Хьюстона и Торонто. Есть план реконструкции сан-францисского аэропорта, хотя наши политики могут это завалить. Вот, пожалуй, и все в Северной Америке.

– А в Европе?

– В Европе – одно старье, – сказал Мел, – кроме Парижа. Новый северный аэропорт, который заменит Ле-Бурже, будет, пожалуй, одним из лучших. А в Лондоне такая бестолковщина, какую способны создать только англичане. – Он помолчал, задумавшись. – Впрочем, не надо принижать и другие страны: у нас у самих плохи дела. Нью-Йорк в ужасающем состоянии, хотя в аэропорту Кеннеди и производятся некоторые изменения, но слишком уж забито небо над городом. Скоро я сам стану ездить туда только поездом. Вашингтон еще кое-как справляется, хотя Национальный аэропорт – это жуткая дыра. А вот аэропорт Даллеса – это гигантский шаг вперед. Рано или поздно и в Чикаго поймут, что

они отстали на двадцать лет. – Мел помолчал, подумал. – Помните, в те годы, когда стали летать первые реактивные, что творилось в аэропортах, построенных в расчете на ДС-4 и «констеллейшн»?

– Помню, – сказала Таня. – Я именно в таком и работала. И в обычные-то дни не протолкнешься, а когда много рейсов – просто дышать было нечем. Мы еще говорили, что это все равно как если б вздумали снимать большое сражение на детской площадке.

– В семидесятых годах, – заметил Мел, – будет хуже, много хуже. И не только из-за обилия пассажиров. Нас задушит другое.

– Например?

– Трудно будет со взлетно-посадочными полосами и диспетчеризацией движения, но это уже особая статья. А главное, чего никак не предусматривают те, кто планирует аэропорты, это то, что скоро – и очень скоро – наступит день, когда грузовые перевозки намного превысят пассажирские. Так было на всех видах транспорта, начиная с каное. Сначала перевозят людей и немного груза, а не успеешь оглянуться, и грузы начинают вытеснять человека. В авиации мы уже подошли к этому рубежу, хотя еще мало кто это сознает. Когда грузовые перевозки получат перевес – а это произойдет в ближайшие десять лет, – наши нынешние представления о том, каким должен быть аэропорт, окажутся безнадежно устаревшими. Хотите доказательства? Взгляните, куда стремится попасть молодежь, поступающая на работу в управленческий аппарат авиации. Еще совсем недавно почти никто не хотел идти в отделы грузовых перевозок. Это рассматривалось как ссылка – возможность блеснуть была лишь у тех, кто занимался пассажирами. А теперь это уже не так! Теперь все, у кого есть голова на плечах, хотят работать на грузовых перевозках. Они уже поняли, что в этом будущее и возможность быстрой карьеры.

Таня рассмеялась:

– Ну значит, я старомодная, потому что я предпочитаю иметь дело с людьми. Грузовые перевозки как-то...

К их столику подошла официантка:

– Порционных уже нет, и если народ не схлынет, то скоро вообще ничего не останется.

Они заказали кофе, и к нему Таня – лимонный пирог, а Мел – сэндвич с яичницей. Когда официантка отошла, Мел усмехнулся:

– Я, кажется, произнес что-то вроде речи. Извините.

– Наверное, захотелось попрактиковаться. – Она пытливо посмотрела на него. – В последнее время не так уж часто вам приходится произносить речи.

– Да, я ведь больше не президент Совета руководителей аэропортов. Я не езжу ни в Вашингтон, ни в другие места. – Однако не только этим объяснялось то, что Мел нигде больше не выступал и вообще стал менее заметной фигурой. И он подозревал, что Таня знает об этом.

Как ни странно, но именно на одном из выступлений Мела и свела их судьба.

Однажды на совместном совещании, какие изредка проводятся авиакомпаниями, Мел говорил о грядущих изменениях в авиации и об отставании наземных служб от прогресса, намечающегося в воздухе. Он воспользовался совещанием как поводом для того, чтобы «обкатать» речь, которую собирался произнести на общеамериканском форуме через неделю. Таня была там в числе представителей «Транс-Америки» и на другой день прислала ему одну из своих «обезглавленных» записок:

«мр б.

отличная речь, все мы назмники с удовлтврнием узнали чт творцы аэропортов заснули над чертежными досками. кто-то должен был это сказать. можно прдложение? речь прзвчит живее, если поменьше тхнки побольше нсчет члвков, пассажир в пузе (все равно, самолета или кита – помните иону?) думает только о себе, не о мироздании. уверена орвилл/уилбер именно об этом думали, как только оторвались от земли. верно?

тл.».

Записка эта не только позабавила Мела, но и заставила призадуматься. А ведь и в самом деле, решил он, все его внимание сосредоточено на цифрах и системах машин, а люди оказались за бортом. Он пересмотрел набросок речи и переставил акценты, как предлагала Таня. В результате выступление его имело огромный успех – как никогда. Ему горячо аплодировали и широко цитировали потом в газетах и журналах всего мира. Он, разумеется, позвонил Тане и поблагодарил ее. С тех пор они начали искать встреч друг с другом.

Вспомнив об этом первом послании Тани, Мел по ассоциации вспомнил и о записке, которую он получил от нее сегодня вечером.

– Спасибо, что вы сообщили мне насчет докладной комиссии по борьбе с заносами, хоть я и не очень понимаю, как вам удалось увидеть ее раньше меня.

– В этом нет ничего таинственного. Ее печатали у нас, в бюро «Транс-Америки». И я видела, как капитан Димирест просматривал ее и усмехался.

– Вернон показал вам докладную?

– Нет, просто листы лежали перед ним, а я умею читать текст вверх ногами. Кстати, вы не ответили на мой вопрос: почему ваш зять так вас не любит?

Мел нахмурился:

– Должно быть, догадывается, что и я не слишком в восторге от него.

– Если хотите, можете ему сейчас об этом сказать, – заметила Таня. – Великий человек здесь собственной персоной. – Она мотнула головой в сторону кассы, и Мел оглянулся.

Капитан Вернон Димирест, высокий широкоплечий красавец, на голову выше всех окружающих, расплачивался по счету. Хотя он был в обычном штатском костюме – твидовом пиджаке от Харриса и безукоризненно отутюженных брюках, – от всей его фигуры исходило удивительное ощущение властного превосходства («Ну прямо генерал в гражданском платье», – подумал Мел). Его волевое, с правильными чертами лицо было замкнуто и холодно – оно не

изменилось и тогда, когда он заговорил с другим пилотом «Транс-Америки», стоявшим рядом. Видимо, Димирест давал пилоту указания, потому что тот выслушал его и кивнул. Димирест тем временем окинул взглядом кафе и, заметив Мела с Таней, слегка наклонил голову. Потом посмотрел на часы, еще что-то сказал пилоту и направился к выходу.

– Видно, спешит, – заметила Таня. – Времени у него действительно не так уж много. Он летит сегодня рейсом два в Рим.

Мел улыбнулся:

– Рейсом «Золотой Аргос»?

– Вот именно. Я вижу, сэр, вы читаете нашу рекламу.

– А ее трудно не читать. – Мел, конечно, знал, как знали миллионы людей, любовавшихся четырехцветным разворотом в журналах «Лайф», «Лук», «Пост», что рейс два «Транс-Америки», именуемый «Золотой Аргос», является самым фешенебельным, самым рекламным рейсом этой компании. Знал он и то, что выполняют такого рода рейсы лишь пилоты самого высшего класса.

– К тому же общеизвестно, – заметил Мел, – что Вернон на сегодня один из наиболее опытных наших пилотов.

– О да. Наиболее опытных и наиболее спесивых. – Таня помедлила и все-таки решилась: – Если вы не прочь послушать сплетни, могу сказать, что вы не одиноки в оценке вашего зятя. Я слышала, как недавно один из наших механиков сказал: жаль, что нет больше у самолетов пропеллеров, тогда хоть была бы надежда, что капитан Димирест попадет под лопасть.

– Не слишком-то гуманная шутка, – оборвал ее Мел.

– Согласна. Я лично больше склоняюсь к мнению президента нашей компании мистера Янгквиста. Насколько мне известно, он сказал про капитана Димиреста так: «Держите этого надутую индюка от меня подальше, но летать я буду только с ним».

Мел усмехнулся. Он знал обоих: да, Янгквист мог сказать такое. Мел, конечно, понимал, что не следовало ему опускаться до обсуждения Вернона Димиреста, но известие о докладной, составленной комиссией по борьбе с заносами, и мысль о неприятностях, которые она ему причинит, все еще вызывали у него раздражение. Интересно, подумал он, куда спешит сейчас его зять, – наверно, на какое-нибудь очередное любовное свидание: говорят, он на этот счет не промах. Мел посмотрел вслед Димиресту, но толпа в центральном зале уже поглотила его.

Сидевшая напротив Таня быстрым движением разгладила юбку. Мел давно подметил эту ее привычку, и она ему нравилась. В этом было что-то удивительно женственное, притягивавшее взгляд и заставлявшее вспомнить, что лишь немногим женщинам идет форма, а Тане она шла и только увеличивала ее обаяние.

Мел знал, что некоторые авиакомпании разрешают своим служащим определенного ранга ходить без формы, но в «Транс-Америке» считали, что синий с золотыми нашивками костюм придает служащему больше веса. О высоком и ответственном положении Тани свидетельствовали два золотых кольца с белой каймой, которые украшали ее рукав.

Словно угадав мысли Мела, Таня сказала:

– Я, видимо, скоро сниму эту форму.

– Почему?

– Нашему управляющему пассажирскими перевозками предложили аналогичный пост в Нью-Йорке. Заместителя переводят в управляющие, а я подала заявление с просьбой предоставить мне освобождающееся место.

Мел посмотрел на нее со смесью восхищения и любопытства:

– Что ж, я думаю, вы его получите. И пойдете дальше.

Она удивленно подняла брови:

- Вы, может, считаете, что я и вице-президентом стать могу?

- А почему бы и нет? Конечно, если захотите. Я имею в виду: если захотите стать начальством.

- Я еще не уверена, хочу я этого или чего-то другого, - задумчиво ответила Таня.

Официантка принесла еду. Когда она ушла, Таня сказала:

- Правда, у нас, работающих женщин, не всегда есть выбор. Если не хочешь торчать на одном месте до самой пенсии - а многим из нас это вовсе не улыбается, - единственный путь: карабкаться вверх.

- А замужество вы исключаете?

Таня долго и тщательно выбирала кусок лимонного пирога.

- Нет, не исключаю. Но однажды я уже обожглась, значит, могу обжечься и снова. Да и не так уж много претендентов - я имею в виду холостяков - на руку женщины с ребенком.

- Но может ведь найтись исключение.

- Этак я могу и Ирландский кубок выиграть. Вот что я вам скажу, дорогой Мел, на основе собственного опыта: мужчины предпочитают женщин без обузы. Можете спросить моего бывшего супруга. Если вы, конечно, разыщете его. Мне это пока не удалось.

- Он оставил вас, когда у вас родился ребенок?

- Что вы! Нет, конечно! Тогда Роя пришлось бы целых полгода заботиться обо мне. По-моему, в четверг я сказала ему, что беременна - я просто не могла больше молчать, - а в пятницу, когда я вернулась домой с работы, уже не было ни Роя, ни его вещей. Вот так-то.

- И с тех пор вы его ни разу не видели?

Она покачала головой.

– Но в итоге это намного облегчило развод: ушел – и все. И никаких объяснений. Впрочем, нельзя быть совсем уж стервой. Рой не был законченным подлецом. К примеру, он не снял ни доллара с нашего общего счета в банке, хотя и мог. Я нередко думала потом, было ли это от доброты или просто он забыл. Так или иначе, все восемьдесят долларов, которые там лежали, достались мне.

– Вы никогда мне об этом раньше не рассказывали, – заметил Мел.

– А следовало?

– Возможно – чтобы я мог посочувствовать.

Она снова покачала головой.

– Если бы вы лучше меня знали, вы бы поняли, что я рассказала вам это сейчас вовсе не потому, что нуждаюсь в сочувствии. В результате все ведь сложилось для меня не так уж плохо. – Таня улыбнулась. – Я даже могу стать со временем вице-президентом компании. По вашим словам.

За соседним столиком какая-то женщина воскликнула:

– О Господи! Ты только взгляни, который час!

Инстинктивно Мел посмотрел на часы. Прошло сорок пять минут с тех пор, как он расстался с Дэнни Фэрроу. Он быстро поднялся на ноги, сказав Тане:

– Подождите меня здесь. Мне надо позвонить.

Возле кассирши стоял телефон, и Мел набрал один из незарегистрированных номеров пульта управления снежной командой. В трубке послышался голос Дэнни Фэрроу: «Обождите!» – прошло несколько секунд, потом Дэнни сказал:

– Я как раз собирался звонить тебе. Насчет этого самолета «Аэро Мехикан», который блокирует полосу.

- Ну, слушаю.

- Тебе известно, что компания запросила о помощи «ТВА»?

- Да.

- Так вот, им туда нагнали грузовиков, кранов, уйму всякой техники. Вся взлетная полоса и рулежная дорожка забиты машинами. Но чертов самолет так и не удалось сдвинуть с места. Мне сообщили, что «ТВА» послала за Патрони.

- Рад это слышать, - сказал Мел, - жаль только, что они раньше не додумались послать.

Джо Патрони был главным механиком ремонтной бригады «ТВА». Человек это был деловой, динамичный, буквально незаменимый при авариях и к тому же большой приятель Мела.

- Да они вроде сразу попытались найти Патрони, - сказал Дэнни. - Но он был дома, и не так-то просто оказалось добраться до него. Говорят, из-за бурана повреждено много телефонных линий.

- Но теперь-то его известили? Ты уверен?

- В «ТВА» утверждают, что он уже выехал в аэропорт.

Мел мысленно прикинул: он знал, что Патрони живет в Глен-Эллине, милях в двадцати пяти от аэропорта, и даже при идеальных условиях, чтобы добраться оттуда, нужно сорок минут. Сегодня же, когда дороги покрыты снегом и запружены машинами, Джо крупно повезет, если он управится быстрее чем за полтора часа.

- Да, - сказал Мел, - если кто и сумеет сдвинуть этот самолет с места, так только Патрони. Но это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки и ждать его. Доведи до сведения всех, что нам нужна ВПП три-ноль - и срочно. - Эта полоса нужна не только для нормальной работы аэропорта, невесело подумал Мел, но и для того, чтобы самолеты не взлетали над Медоувудом. Интересно, кончилось ли уже собрание, которое, по словам начальника КДП, решили устроить

медоувудцы?

– Я уже им говорил, – сказал Дэнни. – Могу повторить еще раз. Кстати, есть и хорошие вести: мы все-таки нашли этот пикап компании «Юнайтед».

– Шофер в порядке?

– Был без сознания. Машину занесло снегом, а мотор продолжал работать, и, как мы и полагали, скопился угарный газ. Но шоферу сейчас дают кислород, и он, конечно, очухается.

– Хорошо. Я выезжаю на поле, чтобы лично проверить обстановку. Буду радировать оттуда.

– Одевайся теплее, – сказал Дэнни. – Ночь хуже некуда.

Когда Мел вернулся к столику, Таня уже собиралась уходить.

– Подождите, – сказал он, – пойдем вместе.

Она указала на нетронутый сэндвич:

– А как же с ужином? Если это, конечно, ужин.

– Пока – да. – Он откусил большой кусок, поспешно глотнул кофе и схватил со стула свое пальто. – А вообще я сегодня ужинаю в городе.

Пока Мел расплачивался, двое служащих «Транс-Америки» вошли в кафе. Один из них, заметив Таню, тотчас направился к ней.

– Извините, мистер Бейкерсфелд... Миссис Ливингстон, вас ищет управляющий перевозками. У него к вам срочное дело...

Мел сунул в карман полученную от кассирши сдачу.

– Ну-ка, попробуем угадать. Наверное, опять кто-нибудь швырнул в пассажира расписанием.

– Нет, сэр. – Служащий ослабилась. – Если кто сегодня и швырнет еще в пассажира расписанием, так это буду я. На борту рейса восемьдесят обнаружен «заяц».

– И только-то? – Таня была явно удивлена: на всех авиалиниях попадались безбилетные пассажиры, и это никогда не было поводом для серьезных беспокойств.

– Видите ли, – сказал инспектор, – на этот раз пассажир, как я слышал, с приветом. Получена радиограмма от пилота, и к выходу выслана охрана. Так или иначе, миссис Ливингстон, вас зовут. – И, дружески кивнув, он пошел к своему коллеге.

Мел и Таня вышли из кафе в центральный зал. У лифта, который должен был доставить Мела в подземный гараж, где находилась его машина, они остановились.

– Осторожнее ездите по полю, – предупредила его Таня. – Не попадите под самолет.

– Если попаду, то вы, конечно, об этом скоро узнаете. – Он надел теплое пальто. – Сегодняшний ваш безбилетник, видно, особенный. Я постараюсь заглянуть к вам перед тем, как ехать в город: интересно, почему подняли такой шум? – Он помедлил и добавил: – По крайней мере у меня будет повод еще раз увидеть вас сегодня.

Они стояли очень близко. Внезапно их словно ветром качнуло друг к другу; руки их встретились. Таня мягко сказала:

– Разве для этого нужен повод?

В лифте, спускаясь вниз, он все еще чувствовал ласковое тепло ее руки и слышал ее голос.

Джо Патрони, задиристый, крепко сбитый американец итальянского происхождения, главный механик «ТВА», действительно – о чем и было доложено Мелу Бейкерсфелду – выехал в аэропорт из своего ранчо в Глен-Эллине минут двадцать назад. Но, как и предполагал Мел, продвигался он очень медленно.

В какой-то момент «бьюик» Патрони попал в пробку и вообще остановился. Впереди и позади, насколько хватало глаз, стояли машины. Патрони откинулся на сиденье и при свете хвостовых огней передней машины закурил сигару.

Немало легенд ходило об этом человеке – легенд, связанных как с его профессиональными, так и с личными качествами.

Свою рабочую жизнь он начал смазчиком в гараже. Вскоре он выиграл в кости этот гараж у своего хозяина, так что к концу партии они уже поменялись ролями. Правда, молодой парень унаследовал вместе с гаражом несколько серьезных долгов, включая долг за древний, дряхлый биплан, владельцем которого он теперь стал. Обладая незаурядной изобретательностью и хорошими техническими навыками, он починил биплан и начал на нем летать – не взяв ни одного урока, так как это было ему не по карману.

Аэроплан и возня с ним всецело поглотили Патрони – настолько, что он уговорил своего бывшего хозяина еще раз покидать кости и, дав обыграть себя, вернул ему гараж. Расставшись с гаражом, Джо нанялся на аэродром механиком. Окончил вечернюю школу, стал старшим механиком, а потом мастером с репутацией первоклассного специалиста по ликвидации аварий. Его команда могла сменить в самолете мотор быстрее, чем это указано в спецификации, причем с гарантией надежности. Через некоторое время, лишь только где-нибудь обнаруживалась неисправность или поломка, тут же говорили: «Вызовите Патрони».

Успеху его способствовало и то, что он никогда не терял времени на дипломатию. Прямо шел к цели – касалось ли дело людей или самолетов. Не обращал он внимания и на ранги и всем резал правду-матку в глаза, включая и начальство.

Как-то раз – летчики до сих пор вспоминают об этом – Патрони бросил работу и, ни слова никому не сказав, ни с кем не посоветовавшись, сел на самолет и улетел в Нью-Йорк. Он вез с собой большой пакет. Прилетев в Нью-Йорк, он сначала на автобусе, затем на метро добрался до главной конторы компании «Олимпен» в центре Манхэттена и там – без всяких объяснений и докладов – прошел прямо в кабинет президента. Войдя, он развернул пакет и выложил на блестящий полированный стол президента компании разобранный карбюратор, весь в смазке.

Президента – а он в жизни не слышал о Патрони, и к нему без доклада никто еще не входил – чуть не хватил удар. Но Джо быстро привел его в чувство.

– Если вы хотите терять самолеты в полете, можете вышвырнуть меня отсюда. А если нет, садитесь и слушайте.

Президент сел – Джо тем временем раскурил сигару – и стал слушать. Немного погодя он вызвал вице-президента по инженерной части, а тот – еще немного погодя – приказал произвести соответствующие изменения в карбюраторе, чтобы он не покрывался льдом в полете: Патрони долгие месяцы тщетно добивался этого, разговаривая на более низком уровне.

Позже Патрони получил благодарность, и случай этот пополнил непрерывно разраставшиеся легенды о нем. Вскоре Джо сделали старшим мастером, а несколько лет спустя – главным механиком компании «ТВА» в аэропорту имени Линкольна.

Ходили легенды и о личной жизни Патрони, в частности о том, что он каждую ночь занимается любовью со своей женой Мари – так же регулярно, как другие выпивают перед обедом. И это была правда. Собственно, как раз этим он и был занят, когда позвонили из аэропорта насчет застрявшего самолета компании «Аэро Мехикан» и попросили помочь.

Рассказы о личной жизни Патрони обрастали деталями: любовью он, оказывается, занимался так же, как делал все, – не расставаясь с длинной тонкой сигарой, которую неизменно держал в углу рта. Только это была неправда – во всяком случае, теперь. Мари, потушив не одну загоревшуюся подушку в первые годы их брака – а она, как бывшая стюардесса «ТВА», умела гасить пожары, – категорически запретила Джо курить в постели. И Джо

послушался, потому что любил жену. Впрочем, к тому были все основания. Когда он на ней женился, она была, пожалуй, самой популярной и самой хорошенькой стюардессой во всей авиации и даже теперь, после двенадцати лет брака и трех родов, все еще могла соперничать со многими своими преемницами. Были люди, которые откровенно удивлялись, как это Мари, за которой отчаянно ухаживали и капитаны, и офицеры высоких рангов, могла предпочесть им всем Джо. Но надо сказать, что Джо, даже когда он только начинал свою карьеру механика, был уже человеком многообещающим и во всех отношениях удовлетворял Мари.

Ко всему этому следует добавить, что Джо никогда не впадал в панику. Он быстро оценивал ситуацию, решал, насколько дело срочное и следует ли ради него немедленно все бросать. Когда ему позвонили насчет застрявшего «Боинга-707», он интуитивно почувствовал, что безумной срочности тут нет и можно еще побаловаться с женой или поужинать, но только одно из двух. И он решил пожертвовать ужином. Через некоторое время Мари, накинув халатик, помчалась на кухню и быстро приготовила Джо несколько бутербродов на дорогу – ведь до аэропорта двадцать пять миль, так что он успеет поесть. Но Джо тут же надкусил один из них.

Его не впервые вызывали в аэропорт после долгого рабочего дня, но сегодня уж больно мерзкая была погода – такой он просто не помнил. Три дня бушевала метель, намело много снега, и поездка на машине предстояла тяжелая и опасная. Вдоль улиц высились сугробы, а снег все валил и валил. На шоссе и на дорогах автомобили еле двигались, а то и вовсе стояли. Хотя «бьюик» Патрони был снабжен специальными шинами для езды по грязи и снегу, колеса все равно буксовали. «Дворники» и «антиобледенители» плохо справлялись с валившим снегом, стекла запотевали, а фары освещали лишь совсем небольшое пространство впереди. Застрявшие машины – иные из них были попросту брошены владельцами – превращали езду в гонку с препятствиями. Естественно, лишь острая необходимость могла заставить человека ехать в такую ночь.

Джо взглянул на часы. И его машина, и та, что перед ним, стояли уже несколько минут. Стояли не только они – и дальше впереди, и справа непрерывной цепью выстроились автомобили. Он отметил про себя, что давно уже не видел и встречных машин – должно быть, где-то на дороге произошла авария и застопорила движение всех четырех потоков. Ладно, решил он, если в ближайшие пять минут ничего не изменится, придется выйти и посмотреть, в чем дело, хотя так мелко и валил такой густой снег, что ему крайне не хотелось высовывать нос наружу. Он еще успеет замерзнуть за ночь в аэропорту. А

пока он настроил радио на волну рок-н-роллов и, включив его на полную мощность, затянулся сигарой.

Пять минут прошли. Патрони, увидев, что люди выходят из машин и идут куда-то, решил присоединиться к ним. Он прихватил с собой парку на овчине и, застегнув ее на все пуговицы, натянул капюшон. Затем поискал сверхмощный электрический фонарь, который всегда был при нем, и открыл дверцу машины – ветер со снегом тотчас ворвался в кабину. Джо поспешно шагнул наружу и захлопнул за собой дверцу.

С трудом вытаскивая ноги из снега, он двинулся в голову колонны – рядом хлопали дверцы машин, перекликались люди: «Что там стряслось?» Кто-то крикнул: «Произошла авария. Ужас что творится!» Постепенно Джо начал различать впереди мигающие огни, движущиеся тени, которые порой сливались, образуя толпу. Чей-то голос произнес: «Говорю вам, они не скоро тут расчистят. Мы теперь застряли не на один час». Внезапно из тьмы проступило нечто большое, темное, озаряемое красными огнями «мигалок». Мощный грузовик с восемнадцатиколесным прицепом лежал поперек дороги на боку, преграждая движение. Часть груза – судя по всему, ящики с консервами – рассыпалась, и какие-то ловкачи, невзирая на снег, кинулись подбирать банки – несколько ящиков уже растащили по машинам.

У места аварии стояло два полицейских патрульных автомобиля. Полицейские допрашивали шофера грузовика, который явно был цел и невредим.

– Я только всего и сделал, что притормозил, – громко оправдывался шофер. – А эта штука вдруг заскользила и плюх на землю – точно баба, которой приспичило.

Один из полисменов записывал показания в блокнот, и какая-то женщина шепнула стоявшему рядом мужчине:

– Как ты думаешь, он и это записал?

А другая женщина крикнула:

– Ну чего зря писать-то! – Ее пронзительный голос перекрыл завывания ветра. – Лучше бы убрали эту штуку с дороги!

Один из полисменов подошел к ней. Он уже был весь в снегу.

– Если бы вы помогли, мадам, приподнять эту штуку, мы были бы премного вам благодарны.

Кто-то захихикал, а женщина буркнула:

– Только и знаете языком молоть, толстозадые.

С другой стороны к месту происшествия медленно подъехал тягач – на крыше его кабины крутилась янтарная «мигалка». Шофер воспользовался тем рядом, что отведен для движения в противоположном направлении, поскольку там сейчас не было машин. Тягач остановился, шофер выскочил из кабины и при виде размеров грузовика с прицепом и положения, в котором он лежал, с сомнением покачал головой.

Патрони протиснулся вперед. Попыхивая сигарой, ярко рдевшей на ветру, он подошел к полицейскому и резко хлопнул его по плечу:

– Послушай, сынок, одним тягачом ты это чучело с места не сдвинешь. Ведь это все равно что пытаться поднять кирпич, привязав его синице к хвосту.

Полицейский обернулся:

– Может, оно и так, мистер, да только вокруг полно разлившегося бензина. Так что лучше бы вам потушить сигару.

Патрони и глазом не моргнул – он вообще не обращал внимания на правила и курил, где и когда хотел. Он ткнул сигарой в направлении перевернутого грузовика с прицепом.

– Больше того, сынок, ты будешь лишь терять время – и мое, и свое собственное, да и всех тех, кто тут застрял, – если станешь поднимать эту махину. Тебе надо сдвинуть ее на обочину, чтоб возобновилось движение, а для этого нужны три грузовика: один с этой стороны, чтобы толкал, а два – с той, чтоб тащили. – И он пошел в обход поваленного автокара и прицепа, чтобы с помощью своего электрического фонаря осмотреть их со всех сторон. Как всегда, решая ту или

иную проблему, он был всецело поглощен делом. Он снова ткнул в воздух сигарой. – Надо поставить рядом два тягача и подсоединить их тросами к трем точкам. Сначала надо сдвинуть кабину – это можно быстро сделать. Мы спрямим ее с прицепом. И тогда третий грузовик...

– Стойте-ка, – перебил его полицейский. И крикнул своему коллеге: – Хэнк, тут один малый явно говорит дело.

Через десять минут Джо уже работал вместе с полицейскими и, по сути, руководил всей операцией. Следуя его совету, по радио вызвали еще два тягача. А пока шофер первого тягача под руководством Патрони подсоединял цепи к осям перевернувшегося автомобиля. Все уже приняло совсем другой вид, стало ясно, что «сдюжим» – словечко это всегда было в ходу, когда за дело брался энергичный главный механик «ТВА».

За это время Патрони не раз вспоминал о том, что вынудило его выехать из дома ночью: ведь его уже давно ждали в аэропорту. Он понимал, что быстрее попадет туда, если поможет ликвидировать пробку на шоссе. Ведь ни его машина, ни остальные не сдвинутся с места, пока злополучный грузовик с прицепом не будет убран с середины шоссе. Повернуть назад и попытаться проехать в аэропорт по другой дороге было тоже невозможно, потому что и сзади стояли автомобили: полицейский сказал Патрони, что вереница их тянется на многие мили. Он вернулся к себе в машину и по радиотелефону, который ему установило и ежемесячно оплачивало руководство аэропорта, позвонил в технический отдел. Он известил, что задерживается в пути, а в ответ ему сообщили о приказании Мела Бейкерсфелда срочно очистить и ввести в строй полосу три-ноль.

Патрони дал по телефону несколько советов, но он и сам понимал, что главное – как можно быстрее прибыть на место происшествия самому.

Он снова вылез из «бьюика» – снег все продолжал валить. Обойдя заносы, уже образовавшиеся вдоль цепочки машин, он вышел на дорогу и чуть ли не бегом припустился по ней; вскоре он с облегчением увидел, что первый из двух дополнительных тягачей уже прибыл.

Расставшись с Таней, Мел Бейкерсфелд спустился на лифте в подземный гараж. Его радиофицированная служебная машина горчично-желтого цвета стояла неподалеку, в специально отведенном для нее боксе.

Мел выехал на поле недалеко от того места, где находились галереи-гармошки для посадки в самолет. Ветер и снег со страшной силой тотчас обрушились на ветровое стекло его машины. «Дворники» отчаянно металась туда и сюда, но снег сразу же застилал стекло. В неплотно прикрытое окно вдруг ворвался порыв ледяного ветра и швырнул горсть снега в кабину. Мел поспешно поднял стекло. Уж очень резким оказался переход от уютного тепла аэровокзала к этой дикой злой мгле.

Впереди, там, где кончались галереи-гармошки, замаячили самолеты. Здания аэровокзала перекрывали ветер, здесь не так крутила пурга, и Мел увидел сквозь освещенные окна самолетов, что внутри уже сидят пассажиры. Несколько машин были явно готовы к взлету – пилоты только ждали указания из диспетчерской, чтобы запустить двигатели, но их задерживали, поскольку была блокирована полоса три-ноль. На поле и на взлетно-посадочных полосах виднелись смутные очертания и навигационные огни других самолетов, только что прибывших и еще не успевших заглушить двигатели. Их держали в так называемой предварилровке – в ожидании, пока освободятся места у галерей-гармошек. То же происходило, наверно, и у семи других отсеков аэровокзала.

Приемник в машине Мела, работавший двухсторонней связью и настроенный сейчас на прием с земли, внезапно ожил.

– Диспетчеру – «Истерну» семнадцатому, – раздался голос одного из воздушных диспетчеров, – даю взлет с полосы два-пять. Настройтесь на частоту взлета.

Послышался треск.

– Говорит «Истерн» семнадцатый. Вас понял.

И тотчас чей-то раздраженный голос:

– Земля, я «Пан-Америкэн» пятьдесят четвертый, иду по рулежной дорожке к полосе два-пять. Впереди двухмоторная каракатица – частная «сессна». Жму на тормоза, чтоб не врезаться.

– «Пан-Америкэн» пятьдесят четвертый, стоп! – Короткая пауза, и снова голос диспетчера: – «Сессна» семьдесят три, говорит диспетчер. Сверните на первом пересечении направо. Пропустите самолет компании «Пан-Америкэн».

И вдруг приятный женский голос:

– Земля, я «сессна» семьдесят три. Я сворачиваю. Можешь лететь, «Пан-Америкэн». У-у, медведь!

Смешок. И голос:

– Спасибо, лапочка. Подмажь губки, пока взлечу.

И грозный голос диспетчера:

– Диспетчер – всем самолетам! Предлагаю использовать радио только в служебных целях.

Диспетчер был раздражен: Мел это почувствовал, несмотря на обычный, профессионально спокойный тон. Да и кого бы не вывели из себя сегодняшняя погода и эта неразбериха в воздухе и на земле? Мел с тревогой вспомнил о своем брате Кейзе, который сидел сейчас в радарной КДП и принимал самолеты с Запада, самого перегруженного направления.

Из диспетчерской шли непрерывные указания самолетам, и радио работало без передышки. Подождав, пока закончится очередной диалог, Мел включил свой микрофон:

– Наземный диспетчер, говорит машина номер один. Нахожусь у выходных ворот шестьдесят пять, следую в направлении полосы три-ноль, к застрявшему самолету «Аэро Мехикан».

Диспетчер дал указания двум только что севшим самолетам, и Мел услышал:

– Диспетчер – машине номер один. Вас понял. Следуйте за ДС-9 «Эйр Канада», который выруливает за ворота впереди вас. Остановитесь, не доезжая полосы

два-один.

Мел подтвердил прием. Он увидел, как самолет компании «Эйр Канада» вырулил за ворота – его высокий изящный хвост, поставленный под прямым углом к фюзеляжу, плыл в воздухе.

Здесь, недалеко от выходных ворот, Мел ехал осторожно, внимательно следя за тем, чтобы не столкнуться с «вошками», как в аэропорту называли машины, обслуживающие самолет на земле. Наряду с обычными машинами было тут сегодня и несколько «собираателей вишен» – грузовиков с подъемными платформами, насаженными на стальной передвигающийся стержень. Стоя на этих платформах, рабочие сметали снег с крыльев самолетов и разбрызгивали гликоль, чтобы воспрепятствовать образованию льда. И люди, и машины были все в снегу.

Мел резко затормозил, чтобы не столкнуться с «душистым фургоном», который мчался ему наперерез, спеша избавиться от своего малоприятного груза – четырехсот галлонов, выкачанных из воздушных туалетов. Содержимое фургона вывалит в измельчитель, находящийся в специальном здании, которое старательно обходят остальные служащие аэропорта, а оттуда перекачают в городскую канализацию. Обычно эта процедура занимает мало времени, за исключением тех случаев, когда пассажиры заявляют о потерях – челюстей, сумочек, кошельков, даже туфель, случайно упавших во время полета в туалет. А это случается иногда раз, иногда два раза в день. Тогда все содержимое туалетов приходится пропускать через сито, а уборщикам остается лишь надеяться, что утерянные вещи быстро найдутся.

Но Мел понимал, что, даже если не будет такого рода потерь, санитарным командам все равно предстоит основательно поработать этой ночью. Управляющий по опыту знал, что с ухудшением погоды возрастает потребность в туалетах и на земле, и в воздухе. Интересно, подумал Мел, многие ли имеют представление о том, что санинспекторы в аэропорту каждый час получают сообщения о погоде и соответственно распределяют уборщиков и запасы туалетной бумаги.

Самолет компании «Эйр Канада», за которым следовал Мел, вырулил за пределы аэровокзала и стал набирать скорость. Мел нажал на акселератор, стараясь не отстать. Он как-то увереннее себя чувствовал, когда видел впереди хвостовые огни ДС-9: «дворники» на его ветровом стекле не справлялись со снегом, и он,

по сути дела, ехал вслепую. В смотровом зеркальце он заметил надвигавшийся на него сзади силуэт другого реактивного самолета. По радио зазвучал предупреждающий голос наземного диспетчера:

– «Эр Франс» четыре-ноль-четыре, между вами и «Эйр Канадой» – служебная машина.

Только через четверть часа Мел добрался до пересечения рулежной дорожки со взлетно-посадочной полосой, где застрял самолет «Аэро Мехикан». К тому времени цепочка самолетов, выруливавших для взлета с двух других действующих полос, осталась уже позади.

Мел остановил машину и вышел. Здесь, в безлюдье и тьме, ветер буйствовал, казалось, еще безудержнее. Он свистел и завывал над пустынной взлетной полосой. «Появись здесь сегодня волки, – подумал Мел, – я бы ничуть не удивился».

Какая-то призрачная фигура окликнула его из снежной мглы:

– Это вы, мистер Патрони?

– Нет, это не Патрони. – Мел обнаружил, что и ему приходится кричать, чтобы перекрыть вой ветра. – Но Джо Патрони в пути.

Человек подошел ближе. Он был закутан в доху, и тем не менее лицо у него посинело от холода.

– Мы, конечно, будем рады увидеть Патрони, но черт меня побери, если я понимаю, что он тут может сделать. Мы почти все перепробовали, чтобы вытащить эту махину. – И он показал на самолет, черневший позади. – Застрял напрочь.

Мел назвал себя и поинтересовался, с кем он разговаривает.

– Моя фамилия Ингрэм, сэр. Я старший техник «Аэро Мехикан». И, признаться, очень бы хотел сейчас, чтоб у меня была другая работа.

Переговариваясь на ходу, они приблизились к застрявшему «Боингу-707», инстинктивно ища укрытия под его крыльями и фюзеляжем. Красный свет ритмично мигал под брюхом большого лайнера. При этом неверном свете Мел увидел под снегом раскисшую землю, в которой завязли колеса самолета. На взлетно-посадочной полосе и прилегающей к ней рулежной дорожке, словно родственники, столпившиеся у постели умирающего, стояли грузовики и подсобные машины – топливозаправщик, тележки для багажа, почтовый фургон, два автобуса для команды и ревущий передвижной генератор.

Мел поднял воротник пальто.

– Нам совершенно необходима эта взлетная полоса – срочно, сегодня. Что вы для этого сделали?

За эти два часа, доложил Ингрэм, с аэровокзала подогнали к самолету старые трапы и спустили по ним пассажиров. Процесс этот оказался медленным и небезопасным, так как ступеньки едва успевали очищать ото льда – настолько быстро они снова обледеневали. Одну пожилую женщину пришлось даже нести на руках. Детей передавали по цепочке в одеялах. Теперь все пассажиры уехали в автобусах вместе со стюардессами и вторым пилотом. Командир экипажа и первый пилот остались на местах.

– А вы пытались сдвинуть самолет после того, как сошли пассажиры?

Старший техник кивнул:

– Мы дважды запускали двигатели. Командир корабля включал их на всю мощь, какую считал возможной. Но вытащить самолет не удалось. Похоже, что он еще глубже увяз.

– А сейчас что делаете?

– Снимаем груз – вдруг поможет. Большая часть горючего, – добавил Ингрэм, – уже откачана топливозаправщиками, а это немало, поскольку баки были заполнены для полета. Освободили также багажные и грузовые отсеки. Почтовый фургон забрал мешки с почтой.

Мел кивнул. Почта-то улетит – в этом он не сомневался. Почтовое отделение в аэропорту постоянно следило за соблюдением воздушного графика. Там было точно известно, на каком самолете находятся мешки с почтой, и в случае задержки почтовые служащие мгновенно перебрасывали их с одного рейса на другой. Словом, почте с застрявшего самолета повезет куда больше, чем пассажирам. Максимум через полчаса она уже отправится по назначению – в случае необходимости круглым путем.

– Вам не нужна дополнительная помощь? – спросил Мел.

– Нет, сэр, пока нам никто не нужен. У меня тут почти вся наша бригада «Аэро Мехикан» – двенадцать человек. Половина из них греется сейчас в автобусе. Но Патрони, конечно, может понадобиться больше народу. Все будет зависеть от того, что он задумает. – Ингрем повернулся и мрачно посмотрел на неподвижный лайнер. – Если хотите знать мое мнение, дело это долгое, и нам потребуются подъемные краны, домкраты, а может, и пневматические мешки, чтобы приподнять крылья. Однако большую часть оборудования мы сможем пустить в дело, только когда рассветет. Так что на эту операцию может уйти почти весь завтрашний день.

– Исключено: я не могу вам дать не только завтрашний день, но даже сегодняшнюю ночь, – резко оборвал его Мел. – Полоса должна быть очищена... – Он вдруг умолк, вздрогнув от предчувствия, неожиданно нахлынувшего с такой силой, что ему стало страшно.

По телу его снова прошла дрожь. Что с ним? Да ничего особенного, уверил он себя: это от непогоды, от резкого, холодного ветра на поле. Но странное дело: он ведь не сейчас вышел из машины и, казалось бы, уже должен был привыкнуть к холоду.

С другого конца поля, перекрывая вой ветра, долетел рев двигателей реактивного самолета. Шум нарастал и потом сразу стал тише – самолет взлетел. Это повторилось еще. И еще раз. Значит, там все в порядке.

А здесь? И снова на какую-то долю секунды им овладело предчувствие беды. Даже не предчувствие, а что-то неуловимое, как дыхание надвигающейся серьезной опасности. Нельзя, конечно, придавать таким вещам значения: интуиции, предчувствиям не место в жизни прагматика. Правда, однажды,

много лет назад, у него было точно такое же чувство, будто надвигается нечто неотвратимое, что приведет к гибельному концу. Мел вспомнил и то, каким оказался этот конец, который он не в состоянии был предотвратить...

Он снова посмотрел на «боинг». Машину засыпало снегом, и очертания ее стали расплывчатыми. Собственно говоря, ведь помимо того, что оказалась заблокированной взлетно-посадочная полоса и приходится взлетать над Медоувудом, ничего страшного не произошло. Ну увяз в снегу самолет, но никто при этом не пострадал, никакого материального ущерба не нанесено – словом, ничего особенного.

– Пошли ко мне в машину, – предложил он старшему технику. – Выясним по радио, что происходит.

По дороге он вспомнил, что Синди уже наверняка с нетерпением ждет его в городе.

Мел не выключал обогревателя, и в машине сейчас было тепло и уютно. Ингрэм удовлетворенно крякнул. Он слегка распахнул доху и, нагнувшись, подставил руки под струю теплого воздуха.

– Машина номер один – пульту снежной команды. Дэнни, я на ВПП три-ноль, у застрявшего самолета. Позвони в ремонтную «ТВА» и узнай насчет Патрони. Где он? Когда должен прибыть? Все.

В ответ заскрипел голос Дэнни Фэрроу:

– Пульт снежной команды – машине номер один. Вас понял. Кстати, Мел, звонила твоя жена.

Мел нажал на кнопку микрофона.

– Она оставила номер, по которому ей звонить?

– Точно.

– Машина номер один – пульту снежной команды. Позвони ей, пожалуйста, Дэнни. Скажи, что, к сожалению, я немного задержусь. Но сначала выясни насчет Патрони.

– Ясно. Жди.

И радио умолкло.

Мел сунул руку в карман пальто, вытащил пачку «Мальборо» и предложил Ингрему сигарету.

– Спасибо.

Они закурили, глядя на то, как «дворники» ходят туда и сюда по ветровому стеклу.

– Там, наверху, – Ингрем движением головы указал на освещенную кабину самолета, – эта сволочь капитан, наверно, льет крокодиловы слезы в свое сомбреро. Теперь уж он будет следить за синими огнями – глаз от них не оторвет, как от свечей на алтаре.

– Кстати, ваши наземные команды – из мексиканцев или американцев? – спросил Мел.

– Мы все американцы. Только болваны вроде нас и могут работать в такую чертову погоду. Вы знаете, куда должен был лететь этот самолет?

Мел отрицательно покачал головой.

– В Акапулько. И до того, как это случилось, я готов был бы полгода поститься, лишь бы полететь на нем. – Старший техник ухмыльнулся: – А вы представляете себе, каково это было: сел в самолет, уютно устроился – и на тебе! – вылезай. Слышали бы вы, как чертыхались пассажиры, особенно женщины. Я узнал от них сегодня немало словечек.

Снова ожило радио.

– Пульт управления снежной командой – машине номер один, – раздался голос Дэнни Фэрроу. – Я выяснял у «ТВА» насчет Патрони. Они связывались с ним; но дело в том, что он застрял по дороге. На шоссе пробка, и он будет не раньше чем через час. Он передал указания. Все понял?

– Понял, – сказал Мел. – Валяй указания.

– Патрони опасается, как бы самолет не увяз еще глубже. Говорит, это легко может случиться. Поэтому считает: если команда не уверена в успехе, пусть лучше ничего не предпринимают, пока он не приедет.

Мел искоса взглянул на Ингрема:

– А как относятся к этому в «Аэро Мехикан»?

Старший техник кивнул, давая понять, что там относятся положительно.

– Патрони может делать любые попытки. Будем его ждать.

Дэнни Фэрроу спросил:

– Понял? Все ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/artur-heyli/aeroport-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)